

**Клуб
Красная площадь**

Анатолий Иванович Уткин

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА «Красная площадь»
9 декабря 2005 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ.
КАРТОГРАФИЯ ГЛОБАЛЬНОГО
ЛАНДШАФТА»**

**Москва
2005**

**Анатолий Иванович
Уткин**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
9 ДЕКАБРЯ 2005 Г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ.
КАРТОГРАФИЯ ГЛОБАЛЬНОГО
ЛАНДШАФТА»**

**МОСКВА
2005**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Цивилизации против глобализации</i>	3
<i>Стоимость демократии</i>	14
<i>Империя победила республику</i>	29

ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРОТИВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Периодически передовые умы предпочитают занизить значимость цивилизующих начал, и выступить с нетленной верой в существование «надцивилизационных ценностей (скажем, демократии, альтруизма, гуманизма, свободы, естественного миролюбия и т.п.). Лишь следующая трагедия принесит здравый скепсис в отношении очередной горбачевщины, очередного «нового мышления для нас и всего мира».

Особенность каждой из семи зрелых современных цивилизаций заключается в том, что все они убедились в том, что необходимая им *модернизация* вовсе не сводится к *вестернизации*. Феноменальный подъем Азии во второй половине XX века доказал это наиболее наглядным способом. У каждой из семи цивилизаций есть, как оказалось, все необходимое — в условиях информационной и биотехнологической революций — для броска в технологическое будущее, обгона соседей, триумфа собственной работоспособности и таланта.

Мы живем в эпоху, когда ограниченность земных запасов энергии, необходимой для производства питания и обогрева, становится ощутимой.

На протяжении менее чем трехсот лет население нашей планеты обращалось к органическим источникам энергии — наступил век науки, техники, моторов. Уголь и нефть, наряду с железной рудой и редкими металлами, стали грандиозным источником улучшения жизни (хотя это относилось преимущественно к небольшой части земного населения).

До начала XX века в полосе революционных перемен находилась лишь Северная Атлантика. Начало двадцатого века вовлекло в грандиозное ускорение Россию и Японию. А во второй половине XX века вихрь перемен охватил Восточную Азию во главе с Китаем, Южной Кореей и Тайванем. Мы движемся в XXI веке, феноменально круша прежние каноны и святыни, осваивая новые пути в экономике, военном деле, индустриальной технологии, средствах массовой коммуникации, биотехнологии. Оканчивается век индустриального могущества, начинается «век знания», время господства цифровой технологии. В эпоху индустриальной революции показателем прогресса было *создание новой материи*. В наступающей «эре знания» главным показателем прогресса будет *степень использования информации*. Именно оптимальная информация обеспечит процесс производства новой материи — новых товаров, новых продуктов, нового мира оптимальной коммуникации и оптимального процесса производства единиц материального мира — от медицины до военного дела. Социолог Дэниэл Белл определяет грядущее общество как «организованное вокруг знания с целью социального контроля и упорядоченной реализации инноваций и перемен» [1]. Альвин Тоффлер называет информацию «базовым сырьевым материалом будущего», решающей «третьей волной» развития человеческого общества [2]. Трансакции между людьми переносятся из эпистолярного жанра в электронную технику. В 1980 г. число электронных контактов в мире относилось к письменным как 100 к 90, а в 2010 г. это соотношение увеличится до 100 к 60 [3].

Но ньютоновское представление о мире как об упорядоченном механизме, подчиняющемся линейному развитию, безусловно охватываемому рациональностью, уступает место едва различаемому на горизонте развитию, рушащему относительно плавное развитие последних столетий. Новые процессы как бы не признают границы — границы между отдельными отраслями знания, границы между государствами, границы между цивилизациями. История на наших глазах перестает быть сочетанием *накопления и продвижения*, она превращается в серию спазматических вулканических извержений. Человечество, преодолевая пространство и закон переход количества в качество, словно решило выйти из относительно тихой гавани прежнего развития в открытое море, где сегодняшней штиль сменится завтрашним штормом.

Индустриализация в глобальных масштабах стала на дорожку в светлое будущее, а безумным бегом за исчезающими ресурсами Земли. И теперь мы стоим перед фактами, от которых большинство человечества предпочитает отвернуться: ежедневно с лица планеты исчезает 200 000 акров лесов. Одновременно в атмосферу выбрасываются 13 млн. тонн токсичных химикатов. Ежедневно на планете, одна часть

которого гордится своим процветанием, от голода умирают 45 тысяч человек, 38 тысяч из которых — дети. И более 130 видов животных и растений уходят в необратимое (последний раз в истории Земли столь быстрое исчезновение видов и животных имело место в период исчезновения динозавров) [4].

Согласно данным ООН, за последнее столетие уничтожена половина влажной земли, половина заселявших планету лесов, 80 процентов лугов. Сорок процентов плодородной земли на нашей планете дегенерировало, а семьдесят процентов рыбных запасов моря уничтожено. Но суровее человек и природа обошлись с водными ресурсами. «Система пресной воды в мире дегенерировала настолько, что ее способность поддерживать человеческую, растительную и животную жизнь поставлены в состояние страшной угрозы» [5].

Все, что с нами происходит — не результат некоего несчастного случая или бедствия. Результаты человеческой деятельности вполне предсказуемы, они — результат семи тысяч лет деятельности человечества начиная с городов Междуречья, таких как Шумер и Аккад, с тех пор как человечество живет не племенами, а в городах и окрестностях. При этом проблемы человечества проистекают не из технологических нововведений, насилия, неверного распространения информации. Наши проблемы проистекают из неверного видения мира, нашего невежества, неспособности понять проблем соседа. И нет простых способов решения проблем: рециклирование отходов не спасет мир от оскудения ресурсов; контроль над рождаемостью не оградит от ускоряющегося расселения землян — причем наименее производительных; даже нахождение заменителя нефти не продлит данный нам шанс.

Увы, *наступают более суровые времена*: дары солнца и природы близки к своей исчерпанности. Быстро иссякает органическое топливо. Дивные, покрывавшие половину планеты леса гибнут на глазах, покрывая солью самые плодородные районы Земли. Ценнейшие элементы таблицы Менделеева уходят в прошлое как памятник человеческой беззаботности. Ежедневно из биологической жизни уходят сотни невозможных специй. Гибель зеленого покрова и страшные выбросы углекислого газа неизбежно изменят климат на планете, резко сокращая его регенерирующие свойства. Позади homo sapiens имеет минимум 40 000 лет, впереди для беззаботности — неполные столетия, характерные крайней неравномерностью пользования богатств Земли. Соединенные Штаты, напомним, потребляют примерно 30 процентов всех сырьевых материалов, добываемых на нашей планете [6]. Главным смыслом происходящего будет *гибель индустриального мира*.

Войдя в клинч практически неразрешимых проблем, человечество первым делом возьмется за сохранение привычного для отдельных стран образа жизни — феноменально высокого для «золотого» миллиарда, трагически безнадежного для остальных пяти миллиардов. Это означает проведение богатыми странами жесткой оборонительной полосы и охрану ее всеми методами, включая силовые. Прежние правила человеческого общежития станут irrelevantными. В ближайшие же годы изменится сама психика международных контактов. Старые правила окажутся неадекватными, социальный дарвинизм переживет возрождение. Впереди одно из двух: либо человечество изменит свои взгляды на образ жизни и эксплуатацию невозстанавливаемого сырья, либо начнется силовой передел.

Мир *уже* стал больше ценить свое исчезающее на глазах достояние. Только за несколько 2000-х лет цены на сырьевые материалы, используемые в индустрии, выросли на 73 процента [7]. Цены на железную и медную руду выросли чрезвычайно.

Что таит будущее? Мы не знаем и не можем знать, *каким определенно будет мир через несколько десятилетий*. Но мы имеем несколько базовых оснований для суждений о будущем, и есть исторический опыт. Глобальные перемены неотвратимы и часто очень неожиданны. Никто в мире не ощутил с определенной точностью, *когда* оборвалось глобальное могущество Британии? Оно ведь оборвалось с невероятной быстротой. Стремительны и современные перемены.

Первого своего миллиарда человечество достигло за 200 тысяч лет, а второго — всего лишь за 130 лет. Будущее таит лишь ускорение — 10 млрд. человек в 2030 г., 20 млрд. в 2070 г., 80 млрд. человек в 2115 г. Можно ли прокормить это население? Согласно прогнозу Центрального разведывательного управления США (январь 2005 г.), через поколение — в 2020 году мировая экономика вырастет по сравнению с началом века на 80 процентов, почти удвоится. При этом в полтора раза возрастет потребление энергии в среднем на жителя планеты, а доля нефти в 2020 г. в этой энергии увеличится, как увеличится роль грандиозных мегаполисов.

Прирост мировой экономики будет очень неравномерным. Наибольшую значимость приобретут те страны, которые выйдут к новейшим технологиям (нано-, био- и информационным). Прежние лидеры — США, Европейский союз и Япония будут продолжать преобладать в международных политических и финансовых институтах, преобладать в военной сфере, в сфере экономики и научного роста, но их стареющее население будет *уменьшаться*, а прирост будет осуществляться за счет миграции, прибытия представителей других народов. Невероятно богатый материально и слабеющий по пара-

метру своего населения Запад встретит страдающий от бедности и сверхнаселенный Юг, стремящийся к перераспределению мировых богатств. «Этот будущий Север войдет в противостояние с бедными и очень многочисленными глобальными массами, которые пойдут не под красными знаменами социальной революции, а под эмблемами нового Христианства и Ислама... Неимущие будут воодушевлены не текстами Маркса и Мао, а священными книгами и языком апокалипсиса. В этом мире мы, Запад, будем последним Вавилоном» [8].

Новая архитектура международного сообщества возникает отнюдь не в мирном переделе зон влияния. Напомним, что смыслом первой и второй мировых войн было противостояние германской гегемонии в Европе. «Холодная» же война, которую с полным основанием можно назвать третьей мировой войной, представляла собой социальное противостояние капиталистического и социалистического миров. Если считать «холодную войну» *третьей* мировой войной (миллионы погибших, многие разрушенные государства), то на горизонте маячит еще более страшная драма — та мировая война, номер которой *четвертая*. Никакой врожденный оптимизм не позволит оценить видимую неизбежную грядущую схватку за стремительно исчезающие ресурсы иначе как *четвертую мировую войну*. Все признаки говорят об огромных шагах, которые она делает в направлении глобального конфликта.

Мир так и не породил планетарного правительства, на что были велики надежды после обеих мировых войн. Могущественные державы продолжали и продолжают действовать в состоянии анархии, над ними не стоят некие контролирующие органы. Не в благодати, а в свирепой конкуренции возникает новый мир по мере продвижения XXI века. Предстоящие десятилетия — это время весьма вероятного кризиса в отношениях богатых и бедных стран, в контактах основных мировых религий, в подходе к *конечным* мировым ресурсам, в приспособлении к *вырождению* богатого населения и феноменальному росту населения бедных стран, в неоконсервативной революции на Западе и повороту к фундаментализму среди населения бедных стран. Ощутимо разочарование тех, кто рассчитывал на расширение функций ООН, ОБСЕ, Международного суда, на действенность диалога Север-Юг. Важнейший фактор: происходит весьма резкий раскол между теми, кто воспользовался плодами глобализации, и теми, кто отстал в этой гонке — в свете этого следует ожидать роста мировой нестабильности. Не требует особой фантазии предположение, что в революционные силы способны возглавить страдающий глобальный Юг. Это обстоятельство способно обострить главные спорные вопросы грядущих лет.

Балканы показали степень возможности человеческой деградации. Далеки от замиренности и другие регионы. Отношения США с Южной Кореей опасно осложнились, Япония стала метаться между Китаем и ядерной Северной Кореей, Тайвань не знает своего будущего, бывшие советские республики нестабильны, левые силы в Латинской Америке заметно активизируются.

При этом все большие державы имеют определенные военные возможности, что означает, что они могут нанести друг другу ущерб. Ни одно государство не знает *определенно* будущих намерений других держав. Наилучший способ выжить в такой системе — стремиться быть максимально мощным; чем ты сильнее, тем меньше шансов, что другое государство выступит против тебя. Великие державы не только стремятся быть сильнее соседей, их окончательная цель — быть *единственной* великой державой в данной системе. Учитывая сложность достижения состояния глобальной гегемонии в современном мире, сложно проецировать свою мощь на весь мир даже неимитируемым Соединенным Штатам.

Двадцать первый век, стимулируемый бурным ростом Китая и Индии, все более будет «веком Азии». В условиях глобализации пять бедных миллиардов жителей Земли попытались сократить отставание. Ислам, буддизм и индуизм не создали собственной науки, но они спорадически пользоваться достижениями науки Запада, создавая собственные центры знания — Бангалор в Индии, Силиконовая долина в Малайзии. В мировой экономике резко возрастет значимость бразильского гиганта. Но мир будет смотреть на новую индустриальную ориентацию прежде всего Китая и Индии.

Китай по своему валовому национальному продукту выйдет на второе место в мире, что будет по геополитическим последствиям повторять подъем Германии в XX веке. Будет ли его подъем столь же дестабилизирующим для окружения? Бурный рост Китая сделал эту страну (а не Америку) первым в мире потребителем меди, железной руды, алюминия, платины и других сырьевых материалов. Между 1990 и 2003 гг. импорт меди в Китай увеличился с 20 тыс. тонн до 1,2 млн. тонн; импорт железной руды — с 14 млн. тонн до 148 млн. тонн, платины — с 20 тыс. унций до 1,5 млн. унций, никеля — с нуля до 61,5 тонн. Металлургические компании США уже обратились в министерство торговли с целью сократить продажу металлолома Китаю.

Готовы ли лидеры последних пяти столетий — державы Северной Атлантики — смириться с номинальным боем часов истории? Фундаменталисты-неоконсерваторы в США, националисты в западноевропейских странах, объединяясь в Европейский союз, прилагают все мыслимые усилия ради сохранения консолидированной мощи своего региона.

Мы видим, как в результате пылает Средний Восток, как ожесточается миллиардный мусульманский мир. В дымке будущего намечается союз конфуцианской зоны с обиженным миром ислама против олицетворяющих гегемонию Запада Соединенных Штатов. Немалое число европейцев уже выражает сомнения в потенциале Америки. Они отмечают, что «в отличие от прошлых периодов, военная мощь глобального масштаба в большей степени, чем когда бы то ни было прежде, сконцентрирована в приходящем в упадок, но все еще доминирующем, центре силы. Этот центр находится в странной ситуации: не сталкиваясь с военной угрозой извне... он не обладает финансовыми средствами, необходимыми для решения комплексных системных проблем... Это с большей вероятностью может привести к краху гегемонии даже в условиях отсутствия мировых войн между великими державами» [9].

На съезде Всекитайского совета народных депутатов в феврале 2005 г. новое китайское руководство объявило о полном противодействии сепаратизму Тайваня, а мы помним, что при прежних осложнениях такого рода Вашингтон вводил в Тайваньский пролив свои авианосные соединения, экипированные (помимо прочего) ядерным оружием. КНДР объявила себя восьмой ядерной державой – в непосредственной близости от 37-тысячного американского воинского контингента в Южной Корее.

Особенно важным явится политическая нестабильность в богатых энергоресурсами странах каспийского региона (в частности, вокруг Ирана), в Венесуэле и странах Западной Африки. ЦРУ предсказывает откат от демократизации в республиках постсоветского пространства и в странах Юго-Восточной Азии, где «демократизация так и не пустила корней». Первыми в ряду грядущих потенциальных конфликтов стоит проблема отношений континентального Китая и Тайваня, отношений между Индией и Пакистаном, Южной и Северной Кореи, Южной и Северной Нигерии, коптов и мусульман Судана, сербов и албанцев Косово, клубка племенной схватки вокруг Руанды, белых и цветных Зимбабве, сепаратистов Шри Ланки, Джамму и Кашмира, Басконии и Корсики, Сынцзяня и Чечни. Увеличится значимость террористических актов с применением оружия массового потребления, особенно биологического.

Гимны прогрессу – как неизбежному будущему человечества, и человеку как безусловно рациональному существу, истории как восхождению к миру и благополучию – теряют свой смысл в свете оскудения нашей планеты, на фоне потока насилия в международном масштабе, который буквально захлестнул современную международную арену. Мы стоим на пороге *четвертой* мировой войны, смыслом которой будет битва за иссякающие мировые ресурсы и столкновение нескольких фундаментализмов – господствующего американского и противостоящего ему центров силы в Китае, Европейском союзе, исламском мире, на индийском субконтиненте, в Бразилии, на просторах Евразии.

ТОРМОЖЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сентябрь укрепил государство ибо потребовалась его важнейшая функция – обеспечение безопасности. А ведь еще совсем недавно предполагалось, что две основополагающих принципа, на которых стоит государство, – идея *национального* государства и идея *неолиберального* государства, – потеряют под собой почву. Будущее виделось в руках неолиберализма и свободного рынка. Но драма 11 сентября перевернула в данном случае все. Фундаментальный постулат неолиберализма, что государство и политика должны быть заменены рынком, оказался обрушенным реальностью. Представителя американского правительства спросили, не противоречит ли выделение дополнительных 40 млрд. долл. на ведение войны в Афганистане провозглашенному администрацией Буша-мл. неолиберализму, и тот ответил, что «национальная безопасность – первостепенный приоритет» [10]. А выступая в Северной Каролине президент Буш подчеркнул, что «безопасность важнее нашего оборонного бюджета».

Весной 2002 г. американское правительство явственно отошло от прежнего курса на всемирное снижение таможенных барьеров и прочих препятствий мировой торговле – оно ввело существенные пошлины (до тридцати процентов) на ряд весьма важных импортных товаров, прежде всего на сталь и прочие продукты металлургии. Это прежде всего ударило по металлургическому экспорту Европейского Союза, России, Китая и ряда других стран. (Жертвы американского протекционизма немедленно подали жалобы во Всемирную торговую организацию и предприняли контрмеры).

Иммиграционные власти США значительно ужесточили порядок получения американских въездных виз, что сказалось, прежде всего, на абитуриентах и студентах. Страна эмигрантов – Америка стала более закрытой страной, ошестившейся визовым режимом.

В Европе указывают на устрашающие последствия глобализации во многих странах, подавая эти последствия как подлинную новую военную угрозу: «45 миллионов продолжают умирать от голода и недоедания каждый год... Мир охватили три огромные глобальные инфекции, убивающие в год 6 миллионов человек, большинство из которых жили в Африке... Начиная с 1990 года почти 4 миллиона человек погибли в войнах, 90 процентов из них были гражданскими лицами» [11]. Европейская точка зрения сводится к тому, что с терроризмом следует не просто бороться военными средствами, но следует

уничтожить источники этого явления, его *raison d'être*: растущий разрыв в доходах между богатыми и бедными странами, отсутствие перспектив политического решения конфликтов — особенно на Ближнем Востоке, плохое управление на европейском Юге. Америка, полагая в ЕС, «не готова к усилению влияния Европы и потому ее риторика касательно призывов к увеличению ее расходов на оборону подозрительна». А между тем, «Америке нужно отступить назад. Ей еще потребуется помощь основных европейских союзников» [12]. Ситуацию весьма точно оценил министр иностранных дел Франции Ю. Вэдрин, указавший, что «11 сентября указало на еще несозданность настоящего мирового сообщества» [13]. Еще вчера весь западный мир во главе с США категорически отвергал возможность наказания *до* суда, а затем он стал бомбить Афганистан, основываясь на хорошо знакомых нам *косвенных* доказательствах. Еще вчера этот мир превозносил беспристрастные средства массовой информации, отстраненный объективный анализ, а затем он приступил к более понятным нам поискам справедливости *до* предъявления доказательств. *Мы наблюдаем кризис мирового общежития как системы*. Позволим себе напомнить, что и Лига Наций и ООН создавались в целях формирования организационной базы для *мировой солидарности* народов. А не для фиксации вопиющего материального и духовного разобщения.

РОССИЯ

Едва красный стяг еще не сошел с флагштока Кремля, когда Френсис Фукуяма объявил о «конце истории» [14] — используя ту самую фразу, которую Карл Маркс употреблял для характеристики эпохи, которая последует за полной победой коммунизма во всем мире [15]. Оснований о суждениях относительно «конца истории» было немало: Советский Союз — вчерашний лидер полумира, радетель глобальной справедливости, в кратчайшее время распался на части, воспел национализм и опустился во вчера еще презираемый консьюмеризм. Теперь, после 1991 г., уже не реактивные лайнеры и не атомные электростанции, а кольцо частных коттеджей вокруг городских неуроев, стало символом России. Ельцин принял решение порвать контракты с государственными предприятиями и отказался производить закупки продукции государственных предприятий, отчего доходы предприятий хлынули в карманы дирекции — завтрашних хозяев. Страна опустилась на дно деиндустриализации.

Что последует дальше? Немалое число русологов уверенно полагало, что побежденный последует примеру победителя — ассимилирует идеи Запада. Вот в этом они ошиблись. После совершенных по совету и с полного согласия специалистов Запада перемен, Москва начала размышлять, *в какой мере самоуверенный западный мир* релевантен в решении проблемы российской модернизации, а в какой он абсолютно чужд российским реалиям. Западники ликовали, их коллеги из западных университетов одобряли, а мудрая история улыбалась: Россия пошла не по навязанному западным миром пути, а согласно своему генетическому коду, органически вписываясь в свое тысячелетнее развитие.

Психология и культура движет Россию в традиционном *собственном* направлении, какие бы стяги не реяли над стенами Кремля. «Они полны рациональных ожиданий. Они знают, что многие другие народы отвергают Запад, и, в то же время, они уверены, что конструктивный диалог с ним, совместное ведение дел может вернуть их на утраченные земли» [16]. То есть и с Западом, и используя Запад. Не бездонная мудрость идейных вождей Запада, а неискоренимое наследие уникальной, сложившейся многие столетия назад Московской цивилизации явилось в этот критический час основой национального возрождения России. И в идейной сфере на поверхность вышел своего рода либеральный автократизм императора Николая Второго. Прерванный полет продолжился. Увы, *не рынок, а вторжение авторитарной командной высоты* в национальную экономику — вторжение «людей сбоку» — олигархов, авантюристов, честных заблуждающихся, талантливых и бесталаных временщиков, людей особого взгляда, часто весьма отличных от тех, которых учат в западных университетах. Особенно в этом смысле выделяются секретные службы, военные интеллектуалы и многочисленные представители военно-промышленного комплекса. Повинуясь тысячелетней инерции, возникла весьма закрытая система, так или иначе стимулирующая стремление увеличить мощь страны и не опускать руки в случае критических ситуаций как внутри, так и извне.

Происходящая эволюция российского политико-экономического механизма, основывающаяся на усилении позиций государственной бюрократии, неприкосновенности президентского поста, «святости» военной модернизации страны — все это указывает на то, что предполагаемая легкость перехода от коммунизма к представительной демократии была непродуманно-абстрактной. И напротив — «нетронутый военно-промышленный комплекс России, стратегически мыслящий генштаб, одобренный руководством проект военной модернизации и выделенные минеральные ресурсы как основа реактивации структурно милитаризованного потенциала — оказали свое действие». Американским аналитикам пришлось признать, что *ничто* не препятствует возвращению России статуса сверхдержавы» [17]. Русские достаточно быстро поняли, «что нужно делать» [18]. И лидеры России воспользовались этими культурными факторами своего народа.

ИДЕЯ ВОСТОКА: МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

На протяжении посткоммунистического периода Россия проделала большой путь – от плановой экономики к авторитарной системе смешанно-рыночного типа. Эта, последняя явственно несет в себе черты далеких веков, признаки послемонгольской Московии: автократия, суверенная власть над частной собственностью, даваемые за служение фактические поместья, кормление как право на получение ренты, взаимопомощь верхов – круговая порука, протекционизм в виде славянофильства.

В американских исследовательских кругах привычным стал термин «Московия» для обозначения вернувшейся к жизни на рубеже XX-XXI веков фактически допетровской эпохи, характерным отсутствием «царства закона» и жестоким общественным неравенством [19]. Администрация Путина стремится (теоретизируют в Вашингтоне) представить себя сторонницей *laissez-faire*, транспарентности, всячески демонстрирует свою приверженность частному владению на средства производства, номинальному главенству закона. Кое-кто в США уже отверг этот *wishful thinking*, рисуя абсолютно иную картину Московии: «В реальности это система «правителя–суверена», гарантирующего окружению ренту, в которой отчуждаемые привилегии на собственность маскируются под гражданские права, где производственные возможности верховного правителя прикрываются государственной бюрократией и рядом влиятельных местных правителей. Бюрократия включает в себя органы гражданского управления, но наиболее влиятельными являются органы государственной безопасности и круги военных», Влиятельные силы, типизируемые путинскими «олигархами», надзирают над производственной деятельностью, собирают и распределяют налоги» [20].

Американцы отмечают, что эрозия министерского управления в военно-промышленном комплексе России (включая Минатом) шла медленнее, чем в остальной российской экономике. Контроль над ценами сохранился довольно долго [21], хотя Ельцин уже в 1992 г. односторонним актом оборвал основные государственные контракты. Весьма странным образом часть предприятий ВПК была приватизирована (где частично, а где полностью). Но древняя московская система подчинения высшей власти сохранилась, и *стоило Путину сделать мановение в эту сторону, как «новые бояре» заломили шапки*. Они стали отчетливо понимать, что в их же собственных интересах не перечить верховной власти. Рынок есть рынок, а царь есть царь – и русские люди достаточно отчетливо понимают соотношение сил [22].

Главное, что случилось после падения стяга с серпом и молотом: на историческую поверхность огромной страны вышел старый московский порядок. Да, было трудно устанавливать более современные сборочные линии, трудно держать цепь военных заводов в одной связке. *Но великий инстинкт сработал безупречно: страна неистребимо прислонилось к своему победному прошлому, она не пошла по чужой лукавой указке. И по тому же пути пошел транспорт, сельское хозяйство, системы коммуникаций, образование*. Авантюристы от менеджеризма после нескольких фантастических авантур получили отпор. Воцарился бартер, а экономические рычаги стали восприниматься как минное поле вражеского засева. Менталитет великой обиженной державы перестроить с налету не удалось. Адам Смит с его специализацией и «невидимой рукой» в Россию не проскользнул. Не рынок, а Владимир Путин гарантирует здесь ренту, положение и возможности.

РОЛЬ ЛИДЕРА.

Мало сомнений в том, что судьба России в большой степени будет зависеть от ответственности, пронизательности и решимости лидера страны. Это признают даже за океаном: «Потребуется лидер с собственным видением и твердым мужеством – только он сможет продвинуть вперед либерально-авторитарные реформы и продвинуться даже далее, до порога суверенности потребителей» [23]. Американцы признают, что Путину и его преемникам придется выйти далеко за пределы «бумажных» реформ, обеспечивающих консолидацию олигархов, гарантию прибылей при постоянной работе вестернизаторских сил.

Сможет ли он? О Путине у американских русологов совершенно определенное мнение – он вырос и сформировался в условиях «культуры московитов». Он желает иметь рыночное хозяйство – но при этом подчиняющееся Кремлю; он не очень беспокоится о господстве закона и права. У него два определенных желания: снабжаемая покорной экономикой система административного контроля и могучая военная система России. По американской оценке, «Путин реализует мечты российских славянофилов, пытаясь реализовать утопию московитов» [24]. Американцы считают, что переубедить Путина, изменить его взгляды принципиально невозможно.

Отметим, что посткоммунистическая либерализация проходила в медленном темпе – хозяева Кремля переходили к новому социальному строю на своих условиях. В.В. Путин, его олигархи, его служба безопасности, его мафия, все «новые русские» *не сразу* взяли за задачу укрепления суверенитета верховного правителя и привилегий, зависящих от него подчиненных, включая особые права,

имущество, владение прежней социалистической собственностью. Трезво оценивая существующую ситуацию, Путин воздержался от поддержки ельцинских олигархов (с их коррумпированной приватизацией), требуя от них дополнительной платы за овладение огромными ресурсами. Путин Ходорковскому и всем прочим олигархам стремился доказать, что их владения без труда отчуждаемы в пользу государства. Американские адвокаты «чистого капитализма» пытались *учить* своих новых российских коллег, но наткнулись на препятствия, которые трудно назвать иначе, чем цивилизационные. Аргументы из-за океана: «Система москвитов непродуктивна, она уничтожает равенство (даже перед законом). Она лишена поддержки с простого уровня граждан, она не может быть интегрирована в мировую экономику, она не может экспортировать высокотехнологичные продукты, она сохранит за Россией роль поставщика сырьевых товаров» [25].

Убедить Путина, что Россия встала на неверную тропу, потребовало бы гораздо больших усилий, чем просто демонстрация западной логики. Западу пришлось бы модифицировать его, поддерживаемую западной общественностью, стратегию смеси комплиментов и взятки, отставить приветствия неискренне поддерживаемому либерализму и предоставить России щедрую технико-финансовую помощь, нарисовать перспективу возвращения «сверхдержавы» западным путем, указать на опасности поворота к московскому средневековью. Общества, которые обладают столь необычной волей как Россия, делают «невозможное возможным». Но огромной ценой. В 2001 г. уровень самоубийств в России был 42,1 самоубийство на 100 000 человек в год (что значительно превышало показатели 1990 года – 26,4 самоубийства на 100). В Западной Европе этот показатель равен 5 самоубийствам на 100 тысяч человек, а в Северной Америке – 4,1 самоубийство [26].

Откровенно говоря, лидеры Запада *не хотели бы* открывать Путину неприятные тому реалистические картины. Ни одна из западных столиц не желает оказаться прямолинейным ментором Кремля. Западные лидеры предпочитают просто петь гимны глобализации, сближению, прелестям совместного разрешения проблем, мантре вашингтонского консенсуса. Менее всего “G-8” хотела бы подступить к Путину с жесткими претензиями.

И все же. На Западе все громче слышны голоса тех, кто предостерегает: «Россия устремилась к структурной военной реактивации советского типа, которая приведет к полномасштабной милитаризации в качестве главного приоритета, восстановлению прав государственной собственности, возвращению нации «назад к будущему»... Возвращение России в виде «московской сверхдержавы» угрожает мировой дестабилизацией» [27]. Речь идет о жизнях миллионов россиян. Внушительная часть американских интерпретаторов России полагает, что может опереться на Путина в том, что они называют продолжением «петровской вестернизации» России в условиях ее ослабления. Президент Путин открыто выступил за «главенство закона», за введение в торговый оборот земли, за построение современной банковской системы, за цивилизованное управление крупными корпорациями, за антитрестовское законодательство, за умеренный федерализм. Эти его шаги и взгляды дают смутившимся аналитикам в США шанс «вернуться на почву здравого смысла» даже там, где эта почва весьма нетверда – в России.

Окажутся ли эти надежды сильнее очевидности – склонности к традиционным русским политическим правилам, авторитаризму, зависимой от лидера даруемой собственности, наличия государственных привилегий, которые многие воспринимают как дискриминацию. По меньшей мере, считают за океаном, огромная пропасть между огромным потенциалом России и ее текущими возможностями сохранится еще надолго.

СТРАНА НЕПРЕРЫВНОЙ ВЫНУЖДЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Обобщенно говоря, успех экономических, политических и военных реформ Путина, направленных на вхождение в Запад, согласно американской точке зрения, весьма сомнителен. *Но значительные шансы на успех имеет обновление военно-промышленного комплекса.* России не привыкать концентрировать свои ресурсы и таланты в деле обороны. Практически на протяжении всего XX века Россия успешно крепила свою оборонительную систему и особых оснований сомневаться в том, что она может это сделать, сейчас нет. Приведем цифры доли военных расходов России в те времена, когда она противостояла половине мира.

Таблица № 1. Расходы на обороны России в XX веке (процент от ВВП)

Годы	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	2000
	14,5%	16,0%	15,4%	15,5%	15,3%	14,9%	13,8%	13,2%

Источник: Обзоры ЦРУ. [28] Firth N. and Noren J. Soviet Defense Spending: A History of CIA Estimates, 1950-1990. Texas A. and M University. College Station, 1998, pp. 129-130, table 5.10.

Итак, Советский Союз был, а нынешняя Россия остается структурно милитаризованной. Россия рвется защитить себя. Советская экономика использовалась лидерством страны, прежде всего, для решения военно-промышленных задач. Экономическое развитие страны начиная с 1930-х годов диктовали Генеральный штаб и военно-промышленный комплекс. И не военное-промышленное напряжение нанесло решающий удар по конкурирующим с Соединенными Штатами Советским Союзом, как считает ЦРУ [29].

Нужно ли России такой путь своеобразной модернизации? Плеяда американских футурологов убеждена, что ни экономические потребности, ни демократические порывы не могут сдержать Путина – если он того желает – от строительства мощной и современной военной машины российского государства, поскольку самые различные силы требуют от государства сохранения подлинной боевой мощи. Исследования и научно-конструкторские работы ведутся регулярно и с твердой решимостью.

Американские политолог согласны между собой в том, что любые усилия Кремля по увеличению национальной мощи будут встречены в российском обществе с очевидной благожелательностью и благосклонностью.

ВОЕННАЯ ОСЬ: РОССИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ОСНОВАМ

1990-1991 годы трудами Горбачева и Ельцина стали ужасающими для российского военного могущества. Военно-промышленный комплекс России вначале продолжал производство вооружений, буквально *не веря в безразличие государства*. Военные заводы первоначально свято верили в то, что государство *очнется и закупит оружие*, хранившее Россию тысячу лет. Но нет. В военной промышленности возможность извлекать личную выгоду из святого прежде дела привела к лишению суровой работы смысла. Были испробованы все формы освобождения от налогов, косвенных субсидий и в конечном счете произошел переход *к бартеру*, военные заводы начали расплачиваться со специалистами и рабочими расписками [30]. За это десятилетие (1991-2001 гг.) на бартер приходится 80 процентов взаиморасчетов. Напрасно бились в истерике российские последователи Адама Смита, рынок был отвергнут, свобода экономического маневра была облита презрением, и в военной сфере сработала исконная русская *круговая порука* [31].

России определенно помогло то обстоятельство, что и президент Клинтон сократил вооруженные силы Соединенных Штатов. В результате к рубежу тысячелетий обе стороны пришли с *приблизительным* равенством в военной сфере. Об этом говорит таблица № 2.

Не много лет понадобилось, чтобы убедиться в том, что в военном деле как и в экономике болезненный социальный транзит с гарантией обеспечил лишь депрессию конца XX века – она не была неизбежной судьбой России, она была – как считают американские исследователи русских несчастий, вызвана неверной тактикой, ельцинским желанием за сотни дней стать органической частью Запада.

Таблица № 2. **Российский и американский военные арсеналы после десяти лет российского разоружения**

	Россия	США
Танки	16210	8369
Бронетранспортеры	38530	27627
Артиллерийские установки	16453	7225
Истребительная авиация	2868	4475
Крупные надводные корабли	44	134
Атакующие подводные лодки	72	66
Подводные лодки стратегического назначения	26	18
Стратегические баллистические ракеты	180 СС-18 (10 Mirv) 188 СС-19 (6 MIRV) 92 СС-24 (10 MIR V) 360 СС-25 (одна боеголовка)	530 Минитмен III 50 Пискипер MX 115 Минитмен III (шахтных)

Источник: International Institute for Strategic Studies. The Military Balance 1998/1999. Oxford University Press, London, 2002, p. 20-27; 108-112.

70 МИЛЛИОНОВ, ПОТЕРЯННЫХ В XX ВЕКЕ ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРИЛОСЬ

На настоящем этапе призыв Путина создать профессиональную армию к 2010 г. диктуется геостратегическим положением России, колоссальной континентальной державы с выходом к трем океанам. Основой российской мощи является поддерживаемые из космоса силы стратегического ядерного сдерживания и внушительные конвенциональные силы. Строго говоря, Россия не нуждается в революционном обновлении своих вооруженных сил, ей не нужны прорывы в плазменном оружии, ее особо не беспокоит мощь информационных систем. Но поворот в этих взглядах возможен с подъемом Китая, ориентированного, прежде всего, на США и Западную Европу.

Если же Россия восстановит себя против Америки, то ей, как и прежде, жестко придется компенсировать качество количеством. Именно поэтому многие американские аналитики не верят в то, что Москва бросится в пропасть соревнования с Америкой при незначительных шансах участия в революции вооружений. Россия просто восстановит свой статус младшего партнера в гонке, где ее успех более чем проблематичен. Такой поворот России, полагают в Америке, будет возможен лишь в случае создания россиянами эффективной экономической машины. Поэтому военная реформа в России – это нечто большее, чем вопрос о «малых» или «крупномасштабных» вооруженных силах. Это вопрос о гибкой и продуктивной экономической системе – только на ее основе Москва может провести революцию в военном деле.

«Московская» модель может позволить Путину сохранить структурную милитаризацию вопреки всем убедительным по виду доказательствам того, что прежняя мощь недостижима. Россия сохранила основу своей военной системы, созданной во второй половине XX века. И она может еще долго держать ее в действующем положении, учитывая дешевизну рабочей силы и массовую безработицу [32]. Недостающие компоненты будут найдены и улучшены встроенным за последние годы рынком, но не существует никакой объективной силы, требующей *реформы* российской военной системы. Олигархи не могут – в битве за ресурсы – соревноваться с государством, которое может отдавать приказы своим финансовым избранникам и вполне может ввозить наиболее софистичные экземпляры военной техники из-за рубежа, опираясь на уже имеющийся опыт.

При этом российский ВПК не без оснований полагается на экспортные продажи (5,4 млрд. долл. в 2003 г.) [33], на совместное производство с зарубежными фирмами. В период 1999-2004 русско-китайская торговля оружием стояла на уровне 5 млрд. долл. возросшие доходы от подорожавшей нефти (72 млрд. в 2000 г.) делали российский ВПК практически независимым от продажи ядерной технологии Китаю и Ирану. Российские продажи приближаются к 10 млн. баррелей в день, что делает государство практически независимым в своем выборе партнера по оружию. Ему требуется только приостановить утечку капитала и урегулировать налоги на газ.

Согласно американским оценкам, российский генштаб желает осуществить модернизацию ядерного оружия; создать информационные системы двойного пользования; средства точного наведения; усовершенствовать основные типы обычного оружия; покрыть самолеты пятого поколения плазмой, чтобы сделать их невидимыми для радаров; усовершенствовать средства информационной войны; создать радар, фиксирующий самолеты-невидимки; развить химическое и биогенетическое оружие, оружие направляемой энергии, включая лазеры, микроволновые средства, генераторы частиц для уничтожения объектов удара со скоростью света; новое плазменное оружие, которое ионизирует атмосферу и уничтожает приближающиеся ракеты [34].

Россия намерена создать высокотехнологичный истребитель общего боя, систему электронного контроля; оружие, создаваемое на новых физических принципах, тактическое ядерное оружие, используемое в конвенциональных конфликтах с целью достижения стратегического продвижения; системы нанесения ударов с целью глубокой разведки ударных систем противника на уровне театра военного боя и даже несколько шире. На смену устаревшим ракетам стратегического назначения придет «Тополь-М» как стратегическое оружие первого и второго стратегических ударов, заменяющие по десять единиц в год стареющие ракеты стратегической дальности, чья мощь будет усиливаться по мере того как США будут продвигаться с созданием системы национальной ракетной обороны.

В массе обычного оружия будущего выделяются торпедоносная ракета «Шквал», разведывательный самолет М-55, противокорабельная сверхзвуковая ракета Х-31; стратегические крылатые ракеты Х-101 и Х-555; зенитный комплекс «Искандер»; беспилотные воздушные корабли, способные сообщать всю информацию о потенциальном противнике. Генштаб уведомил, что российские вооруженные силы насчитывают в своем составе три тысячи «нестратегических» ядерных боеголовок и, хотя Москва готова к 2020 году довести их численность до тысячи единиц на все театры военных действий. Генерал Анатолий Ситнов объявил в 2000 г., что российская армия нуждается ежегодно в 16 млрд.

долл. для содержания в боеготовом состоянии уже устаревшего оружия – чтобы сохранить необходимое соотношение сил. В их число входят до 300 мобильных артиллерийских систем, полторы тысячи гаубиц, до 200 самолетов и вертолетов, выпуска в течение года 5-7 зенитных комплексов, а также тридцать тысяч поездов с боеприпасами.

Что касается флота, то адмирал Куроедов затребовал 12-15 стратегических подводных лодок, 50 атакующих подлодок, 35 дизельных субмарин, более семидесяти морских судов океанского радиуса действия – «чтобы бросить Америке глобальный вызов» вопреки всем беседам о совместной борьбе против терроризма. С Бланк утверждает, что Куроедов говорит от лица всего российского военного сообщества [35].

По американским данным военно-промышленный комплекс России состоит ныне из 1700 предприятий, расположенных в 72 регионах страны, на которых работают примерно 3, 5 млн. рабочих и техников, производящих примерно 27 процентов машиностроения и четверть машиностроительной продукции, идущей на экспорт. Согласно американским данным девятнадцать городов полностью состоят из рабочих и обслуживающего персонала военных заводов.

В советскую эпоху предприятия ВПК принадлежали, естественно, государству. В 2005 г. уже только 43 процента этих предприятий являются собственностью государства. 29 процентов – смешанная собственность государства и частных лиц, а 29 процентов полностью приватизированы. Рынок играет очень особую роль в каждом из этих случаев – но сохранен коллективный интерес в обеспечении ценного государственного патронажа.

На период 2000-2005 годов на исследования и разработки было выделено 40 процентов всех ассигнований на военные цели – вчетверо больше, чем за предшествующую пятилетку. На период после 2005 г. предусмотрена весьма значительная перемена: уменьшение на 15 процентов расходов на исследования и разработки при одновременном увеличении расходов на серийное производство на 65-70 процентов, что и должно обеспечить военную модернизацию России. К примеру, массовое производство истребителя пятого поколения «Сухой» предполагается начать в 2009 г. Свою временную слабость Россия постарается компенсировать мощными вооруженными силами.

Немало сведущих американцев называют это *шизофренией*, но любая страна мира, потерявшая за век 70 млн. своих сограждан пошла бы по этому пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York: Basic Books, p. 20.
2. Toffler A. The Third Wave. New York: Bantam Books, 1981, p. 351.
3. Mazarr M. Global Trends 2005. An Owner's Manuel for the Next Decade. New York: PALGRAVE, 2001, p. 3.
4. Hartman Th. The Last Hours of Ancint Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 1.
5. www.wri.org/wr2000/page.html
6. Worldwatch Paper # 144. Washington, D.C.: Worldwatch Institute, December 1998, p. 15.
7. Hale D. China's Growing Appetites ("National Interest", Summer 2004, p. 140).
8. Jenkins. Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 161.
9. Арриги Дж. Динамика кризиса гегемонии («Свободная мысль», январь 2005 г., с. 14-15).
10. Beck U. The Fight for a cosmopolitan future («New Statesman», November 5, 2001, p.34).
11. Gnesotto N. EU, US: visions of the world, visions of the other In: Lindstrom G. (ed.) Shift or rifr. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 25.
12. «Guardian», April 29, 2002.
13. «Time», December 2, 2001, p.76.
14. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: The Free Press, 1992.
15. Фукуяма скромно приписывает этот тезис бежавшему из сталинской России Сергею Кожеву (Кожевникову), преподававшему в Сорбонне в 1960-е годы и утверждавшему, что либеральная демократия не может быть замещена авторитаризмом.
16. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Shuster, 1996, p. 127.
17. Rosefielde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005, p. 9.

18. Lurie O. The IMF Loan That Vanished Has Been Found in Abramovich's Swiss Company (Johnson's Russia List, # 7096, art. 11, March 10, 2003).
19. Pipes R. Property and Freedom..New York: Alfred A. Knopf, 1999; Hedlund S. Can They Go Back and Fix It? Reflections on Some Historical Roots of Russia's Economic Troubles (Acta Slavica Iaponica, #20, 2003. p. 50-84.
20. Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005, p. 68.
21. Bedkhen A. Kremlin Can't Control Secretive Nuke Agency. ("San-Francisco Chronicle", September 1, 2002).
22. Seghers K (ed). Explaining Post-Soviet Patchworks: Pathaway from the Past to the Global, vol. 2 (Aldershot: Ashgate, 2001, p. 78-103).
23. Johnson's Russia List #7110, March 20, 2003.
24. Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005, p. 19.
25. Johnson's Russia List #7257, July 20, 2003.
26. Webster P. Suicide Rates in Russia on the Increase («The Lancet», #9379 (Johnson's Russia List, #7257?, July 20, 2003).
27. Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005, p. 94, 10.
28. Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005, p.5.
29. Noren J. and Kurtzig L. The Soviet Union Unravels: 1985-91 (In: The Former Soviet Union in Transition. Washington, Joint Economic Committee of Congress, February 1993, p. 12).
30. C. Gaddy . The Price of the Past: Russia's Struggle with the Legacy of a Militarized Economy. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1996.
31. Seabright P. (ed) The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Military Transactions in Post-Soviet Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
32. Johnson's Russia list, March 19, 2003.
33. Johnson's Russia list, January 27, 2004.
34. Blank S. The Material Technical Foundations of Russian Military Power (Draft), August 2002; Blank S. «The 18th Brumaire of Vladimir Putin» Paper Conference on Sucession Crisi in Russia. Boston, April 20, 2004.
35. Blank S. Material Technical Foundations of Russian Military Power. Draft, August 2002., p. 34-35.

СТОИМОСТЬ ДЕМОКРАТИИ

ИНСТРУМЕНТ ИЛИ САМОЦЕЛЬ

Спор о демократии принял тривиальную и примитивную форму. Хотя бы потому, что он ведется в отрыве от понятия общественное благо. Хотя бы потому, что наиболее рьяные суждения ведут те, кто никогда не видел прямого демократического выбора в малых кантонах Швейцарии, кто ставит на одну доску индийскую и британскую демократии, кто видит в проявлении желаний *демоса* благо уже само по себе. Скрижали истории, фиксирующие самоубийственность и гибель многих демократий, многим современным рьяным ее сторонникам практически неведомы. Им достаточно парадоксальной формулы Уинстона Черчилля о том, что демократия «очень плохая форма правления, но остальные – еще хуже». Строить свои суждения о знамении времени – *демократизации* – на парадоксах едва ли целесообразно. История и экономика – более надежные столпы.

Обращаясь к опыту государственного правления, нетрудно заметить, что система государственного управления может быть очень недорогой. Дважды в день протягивал спартанец ладонь за оливками, а Спарта стояла столетия (и в конечном счете сокрушила и блестящую демократию Афин). Но *демократия* может стать плодотворным – и наиболее приближенным к справедливости – способом правления *только на определенном экономическом основании*. Античные полисы, как и Рим стали республиками с расцветом античного сельского хозяйства и активного товарообмена. Голландия, а за ней Британия, доказали жизнеспособность демократического правления только достигнув определенного экономического уровня развития. Когда последний крестьянин переселился в каменный дом, и когда хобби стало коллекционировать Рембрандта.

Западный мир двадцать столетий несет в чужие пределы христианство, но *демократия* стала экспортным продуктом этого мира лишь краткое число десятилетий. Демократии, собственно, не более восьми десятилетий – только в 1920 г. женщины получили право голоса в англосаксонских столпах демократии. И уж совсем недавно западный ученый мир пришел к выводу, что «чем больше благосостояние нации, тем больше у этой нации шансов на формировании устойчивой демократии». Это сказал в 1959 г. американец Сеймур Мартин Липсет [1], и вызвал, надо сказать, бурю споров. Но с утверждением за полстолетия численности суверенных государств мы получили невиданный прежде по наглядности опыт, и давайте разберемся как зависит демократическая форма правления от экономического благополучия данного государства.

Практически любое современное государство может при определенных условиях обрести демократическую форму правления. Вопрос заключается скорее в том, чтобы сохранить демократию, сделать демократическую форму правления *устойчивой*.

УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ

Статистика в этом отношении дает основания для весьма жестких выводов.

Если в данной, обретшей демократическую форму правления стране доход на душу населения в год составляет в текущих американских долларах цифру ниже 1500, то жизнеспособность данной демократии не превышает восьми лет. В том случае, когда этот среднегодовой уровень размещается между полутора и тремя тысячами долларов США, то выживаемость демократической формы правления повышается до восемнадцати лет. Очень важный уровень — 6 тыс. американских долл. в год. С достижением этого уровня демократия начинает приобретать устойчивость. Вероятие возврата (ухода) к тоталитаризму весьма резко сокращается. Подлинный пункт «нет возврата» демократия преодолевает при достижении цифры 9 тыс. ам. долл. в год на жителя страны. Демократическая форма правления теряет качества хрупкости, она уже практически не нуждается в «благорасположенном тиране».

Что говорит история западного мира? Первые шаги в направлении демократии (западно)европейские страны сделали примерно в 1820 г., когда начался процесс расширения доли населения, пользующегося избирательными правами. 1870 г. ознаменовал достижения среднего уровня в 2700 долл. — демократия колеблется — и только к 1913 году основные западноевропейские страны перешагнули рубеж 4900 долл. в год на гражданина. После 1945 г. главные западные страны достигли искомого 6 тыс. долл. в год. Значительно позже эту грань пересекли Испания, Португалия, Греция. И очень хрупки демократические достижения на Балканах. А ведь речь идет о Европе и о странах явственно попавших в орбиту западного влияния.

Что же говорить о бедном и отдаленном мире, где исключения (вроде Южной Кореи) подлинно редки? Напомним, что попытки демократизации в той же Южной Корее провалились в 1960-1980-х годах, пока цифры не засвидетельствовали о подлинной экономической зрелости страны, высоте ее жизненного уровня. Героев хватало, но волна прилива была в противоположном направлении (президент Ким Тэ Джун, скажем, сидел в это время в тюрьме). И те, кто на Тайване страдал за свои убеждения в 1960-е годы, возглавили страну лишь 40 лет спустя. Чего не случилось, скажем, с Египтом или Угандой, безнадежно отставших экономически.

Неизбежен вопрос, почему благосостояние благотворно для демократии? И не всякое благосостояние — Нигерия, Венесуэла и феодальные княжества Персидского залива стали явно богаче, но почти ни на йоту не приблизились к демократии. Здесь мы подходим к сути вопроса. При доходе в полторы тысячи долларов год правительство данной страны *не зависит* от воли граждан. Оно зависит от естественных ресурсов. От полезных ископаемых и всего, что можно продать от лица государства или обложить большим государственным налогом. Поэтому нефть не несет демократии, как бы ни росли цифры — доходы на армию и полицию, на административный аппарат получают «из земли», а не от граждан, от которых они в данном случае практически не зависят.

Но приблизившись к «трудовым» 6 — 9 тыс. долл. на душу населения в год, правители начинают зависеть *от налогов*. Зависеть от нас с вами (ныне плоско шутящих о плоском налоге, забыв, что *прогрессивный* налог всегда был главным показателем прогрессивности данного режима). А после 9 тыс. долл. правительственный аппарат уже решающим образом зависит не от черной нефти, а от нашей готовности на свои деньги содержать то или иное правительство. Недра питают государственную казну, но не тягу к демократическому правлению (если только эти недра не принадлежат, как, скажем, в Норвегии — второй по богатству в Европе на душу населения стране), они не являются *res publica* — общественным достоянием. Приведем пример: нефтебогатая Мексика прочно встала на путь демократического развития только после того, как в конце 1990-х годов превысила уровень 9 тыс. долл. на душу населения в год. К этому же уровню приблизились Словения, Сингапур, Турция, Малайзия.

Что из всего этого проистекает? Блажью является строительство всяческих «левых» и «правых» центров, массовых партий демократической ориентации, если подобные демократия призваны лишь укрепляет нефтегазовую «костяную ногу» демократической красавицы. Некоторые страны едва ли не благославляют *отсутствие* полезных ископаемых (к примеру, Турция). Кто-нибудь слышал об ископаемых в Швейцарии? Но эта страна, ее демократическое правительство постоянно держит в поле зрения общественное благо, последовательно специализируя страну на туризме, производстве часов, банковском деле, а теперь на образовании (даже англичане сегодня присылают своих детей учиться в Швейцарию). Как только федеральный Берн перестанет эффективно работать в геоэкономической ориентации, ее самые богатые в Европе налогоплательщики немедленно свергают сонное правительство — ведь только в этом сказывается замечательное свойство демократии.

Вот и приходится правому политику Берлускони выдвигать 125 проектов обновления Италии, в то время как сонные квазидемократии Востока раздадут своим богачам национальные лесопарки, месторождения и секторы максимального рыбоулова. Низвергать однопартийную систему и открывать

ся миру лишь для того, чтобы склеивать заново страну — это очень по-нашему. «Не сотвори себе кумира», говорит Библия и это хорошее напоминание тем, что жует формулу «свободный рынок и представительная демократия».

Демократия — это не мантра, не восточный «сим-сим». Это не чудесное слово сказок и преданий. Это просто *способ*, это инструмент разрешения общественных коллизий, это попытка дать шанс энергии и уму *многих*, талантам широкого демоса. Цель — благосостояние народа, а не крах барьеров на пути к благосостоянию немногих. Демократия возможно только в случае принятия национальной концепции развития, привития современных технологий и подъема жизненного уровня до той планки, когда мы — налогоплательщики — содержим государство, а не оно пользуется нашей пассивностью.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Так называемая «третья волна» демократизации обрушилась на мир в 1990 году. Прошли пятнадцать лет и можно сделать определенные выводы. Первоначальный оптимизм определенно увял и о трудностях демократизации сегодня говорят от России до Латинской Америки. Особые споры вызвал Ближний Восток, ставший арендой насильственной демократизации. На пути демократизаторов встал, однако, жесткий факт: арабские страны не только не стали более демократичными, а сделали явный шаг в сторону исламского фундаментализма. Но еще хуже ситуация в таких районах как Африка южнее Сахары. И открылась истина — *неведомой руки рынка нет*.

Наихудшее положение складывается там, где государственные структуры обрушились до основания. Новые и более острые проблемы возникли там, где государство впало в анемию, где государственные устои перестали быть цивилизующим звеном. Там практически немедленно воцарилась нищета, исчезло представление о гражданских правах, возобладал терроризм, хлынули потоки беженцев повсюду — от Сомали до Гаити и Афганистана.

Хуже с искусственными формированиями. В Ираке американцы создали ручную Коалицию временной власти. Находясь под крылом американцев, этот орган блокировал создание даже местной, провинциальной власти. Лишь значительно позднее американцы увидели, что хаос обращается против них и объявили о национальных выборах в Ираке. Время безвластия обеспечило лишь партизанскую войну. Как пишет Френсис Фукуяма, «планируя оккупацию Ирака, администрация Буша практически не использовала прежних административных институтов этой страны. Она начала послевоенную реконструкцию очень поздно, посвятив этому делу слишком мало внимания и ресурсов». Еще более важны следующие обобщающие слова Фукуямы: «*Прежде чем строить демократию, необходимо иметь государство; имея устойчивое государство*» [2].

Безысходность не имеющего шансов бывшего «третьего» и части «второго» мира, не находящих своего места — ниши на мировых рынках, и ощущающих на себе последствия катастрофического ослабления государственных структур, породит колоссальную нестабильность, порождающую, помимо прочего, терроризм.

Хотя государство-нация — сравнительно недавняя форма человеческого общежития (государство-нация было продуктом индустриальной революции XVIII в., результатом уникальных сочетаний исторических условий) гражданская дисциплина подданных государств все новое время была наиболее обязывающим и обеспечивающим порядок фактором. Впереди резкое ослабление этого стабилизирующего начала, значительная массовая радикализация, которая обрушится на человечество вследствие ослабления внутренних структур суверенных государств, явственное ослабление государства по мере вхождения человечества в современную — третью научно-техническую революцию. Мощь и возможности государств-наций контролировать свою судьбу уменьшаются. «Концепция нации, — пишет американец Д. Риеф, — находится под ударом с множества сторон... Возможно и даже вероятно, что в первые десятилетия нового века будут эрой ускорения эрозии мирового порядка, построенного на системе государств» [3]. Словами американского специалиста В. Райнеке, государство «потеряло монополию на внутренний суверенитет, оно стало принадлежностью прошлого» [4].

Государства теряют свою национальную идентичность и, соответственно, организующую мощь по нескольким причинам.

Во-первых — и прежде всего, кризис государства сказывается, в частности, в том, что ослабляется гражданская лояльность, «приверженность флагу» — всем государственным атрибутам. К примеру, 34% американцев открыто утверждают, что не доверяют своему правительству. Согласно опросам общественного мнения, падение доверия к правительству зафиксировано в 11 из европейских стран [5]. Это происходит из-за недовольства государственным курсом, несогласием с государственной практикой, ощущением собственной маргинализации. В немалой степени сказываются скандалы на выс-

шем государственном уровне (от Уотергейта 1972-1974 гг. до дела «Энрон» в США в 2002 г.), измельчение лидеров, разблачивающая роль средств массовой информации.

Во-вторых, растет давление негосударственных организаций. В 1909 г. в мире было 37 межгосударственных международных организаций и 176 негосударственных международных организаций, а в начале XXI в. межгосударственных международных организаций стало уже 260, а негосударственных международных организаций – 5472 [6]. Если в середине девятнадцатого века в мире ежегодно созывались две или три международных конференции, то ныне в год созывается более 4000 международных конференций [7]. Такие организации как Г-7, ЕС, МВФ, ОЭСР, ОБСЕ, ПАСЕ, АПЕК, МЕРКОСУР и пр. принимают на себя ряд функций международных субъектов, попирающих самостоятельность суверенных держав.

В-третьих, интересы экономической экспансии начинают вступать в противодействие с прежним «священным» желанием четко фиксировать свои национальные границы. Государственные национальные банки не контролируют более национальную валюту. В случае с ЕС наднациональное *евро* заменило ряд важнейших мировых валют. Национальные банки подвергаются нашествию потоков иностранной валюты, приступам террористов, потоку наркотиков, радиоволнам самой различной информации, приходу разнообразных религиозных сект. На государственный суверенитет воздействует хотя бы тот факт, что полмиллиарда туристов посещают ежегодно самые отдаленные уголки планеты. По мнению одного из наиболее видных пророков упадка государств-наций в XXI веке – японца Кеничи Омае, потребности экономического роста сметут не сочетаются со святынями национальной суверенности, что национальные границы препятствуют экономическому росту и в целом общественной эволюции. Он предсказывает создание «естественных экономических зон» или «региональных государств», которые сметут мощь прежних национальных столиц [8].

В-четвертых, такие социо-экономические факторы как новые условия мировой торговли или один лишь возросший поток бедняков из бедных стран в богатые изменят характер суверенного государства. Как может быть сохранен суверенитет государства в условиях, когда «многонациональные корпорации настаивают на том, что фундаментальной реальностью Интернета является отсутствие каких либо ответственных за поток информации? И как сплетение государственной власти с националистической мифологией будет возможно в эпоху массовой миграции?» [9] «Децентрализация знаний, – пишет историк П. Кеннеди, – работает в пользу индивидуумов и компаний, а не в пользу наций. Мировые финансы в их свободном разливе неостановимы и трудно представить, как их можно контролировать.

Огромные многонациональные корпорации, способные перемещать ресурсы из одного конца планеты в другой, являются подлинно суверенными игроками мировой сцены. Перемещение наркотиков и международных террористов также являет собой угрозу традиционным государствам. (Напомним, что торговля наркотиками дошла до 300 млрд. долл., а организованная преступность стала наиболее острой мировой проблемой. [10] – А.У.). Кризис окружающей среды, рост мирового населения, неконтролируемая переливаемость нашей финансовой системы ведут к тому, что государства попросту входят в состояние коллапса» [11].

Подрыву авторитета государств (на что все активнее указывают алармисты) способствует быстро растущая опасность со стороны международного терроризма. Доступ к самой передовой технологии, к прежде недоступной современной технике оказался возможным благодаря распространению технологии, в огромной мере облегчает вооружение даже небольшой группе фанатиков, террористов, приверженцев любой экстремальной идеи – деструктивным общественным силам.

Процесс ослабления государственных организмов крайне болезнен и таит опасные последствия. Видя отступающее государство, гражданин теряет четкое представление о лояльности. Как пишет американский специалист С. Стрейндж, «в мире многосторонней, претерпевшей диффузию власти наше собственное сознание становится нашим единственным компасом» [12]. Это сознание ищет солидарное культурное окружение, а не старинную лояльность к узко-чиновничьим структурам.

В-пятых, еще более грозная сила наносит государственным системам удар со стороны этнического самоутверждения всех возможных видов. Словно проснулись демоны, спавшие историческим сном.

Принцип национального самоопределения был отчетливо выражен президентом В. Вильсоном восемьдесят лет назад: «Каждый народ имеет право избирать ту форму суверенности, которая для него предпочтительна». Государственный секретарь США Р. Лансинг записал в дневнике: «Эта фраза начинена динамитом. Она возбуждает надежды, которые никогда не будут реализованы. Я боюсь, что эта фраза будет стоить многих тысяч жизней» [13]. Но главенствовать этот принцип стал тогда, когда историческая память о нем (рассчитанном на конкретную цель – развал противостоящей Австро-

Венгрии) стал почти забываться. При этом историческая память народов стала как бы ослабевать и уже не все помнят, что случилось с распавшимся Китаем в 1920-х гг. и во время культурной революции, «с многими африканскими государствами после получения ими независимости, с современной постсоветской Россией» [14].

Приливная волна сецессионизма, обрушившаяся на весь мир сегодня, является не только продуктом древних националистических импульсов и катастрофических социальных волнений. Она движима и глобализацией, которая не оставляет нетронутой ни одну страну мира» [15]. Дело скорее даже не в глобализации, а в примере и поощряющей силе, продемонстрированными двумя крупнейшими европейскими государствами в процессе феноменального проявления этнического самоутверждения Германией и Российской Федерацией в 1989 г. «Дипломатия Бонна создала чрезвычайно настораживающий прецедент... Послание, полученное Любляной, Загребом и всеми, кто того желал, значило, что принцип самоопределения может легитимно крушить многонациональные государства» [16].

Порожденная объединением Германии и провозглашением суверенности России цепь этнических выделений создала поток, способный привести к распаду даже самые устоявшиеся общества. Если в 1914 г. в Европе было 17 государств, в 1922 г. — 24, в 2000 г. — 44 государства (22 из них возникли после провозглашения суверенитета России). К XXI в. международная система пришла с возникшей Эритреей. Шотландия и Уэльс проголосовали за создание собственных парламентов, взорвался снова Олстер, идет война с курдами, в огне Кашмир, на виду у всех Косово. Грозит расколом Македония. Почти всем стало ясно, что этнические конфликты решительно заменили один большой — противостояние Востока и Запада. Вместе с Х. Ханнумом из Тафтского университета мы можем смело сделать вывод: «Словесная дань уважения еще отдается принципу территориальной целостности, но распад в течение десятилетия Советского Союза, Югославии, Чехословакии и Эфиопии видится многими протонациями, претендующими на национальное самоопределение как самый важный прецедент» [17].

Великий Карл Поппер, идеолог философского рационализма постулирует: «Национализм взывает к нашим племенным инстинктам, к страстям и предрассудкам, к нашему ностальгическому желанию освободить себя от груза индивидуальной ответственности» [18]. Это явление обещает хаос планетарных размеров. Один из ведущих экспертов по данному вопросу — Э. Смит подчеркивает, что возникновение новых и новых малых государств «имеет тенденцию производить широкий поток беженцев, эмигрантов, потерявших ориентацию в жизни людей» [19].

Какими же будут выводы на XXI в.? Все большее число специалистов на Западе признает, что «сто-летний опыт взаимоотношения движений националистического самоопределения и демократии обещает все более серьезные проблемы впереди» [20]. И в этом смысле, по меньшей мере, в начале XXI в. ни не видят возможности выработки надежно проверяемых критериев, «оправдывающих» сецессию. Общая линия рассуждения специалистов — международные юристы, ни историки — идет по следующему руслу: «Необходим континуум компенсационных мер, начинающихся с защиты прав личности, переходящих в защиту прав меньшинств и оканчивающихся сецессией исключительно в крайнем случае» [21].

«Национальное самоопределение» является самозванным надгосударственным приоритетом конца XX — начала XXI в., то самоуспокоение безусловно является преждевременным. Принципом самоопределения руководствуются косовары в Косово, курды на Среднем Востоке, жители Восточного Тимора, сторонники шотландского парламента, жители Ириана, Квебека, Северной Ирландии и прочие борцы за национальное самоопределение. Молчаливое поощрение — или непротивление мирового сообщества привело к тому, что «мир стал полон диссидентствующих провинций, желающих автономии и суверенитета» [22]. Первый же поход оранжистов по католическим кварталам пробудит старых демонов.

Жрецы самоопределения прибегают к референдумам и плебисцитам, как бы совершенно не ощущая, что носитель данного культурного кода дает на референдуме ответ вовсе не на «тот» вопрос. Он отвечает своим эмоциям — любит ли он свою общину, язык, традиции. И еще до проведения любого референдума ясно, что любит. Гражданин выступает уже не как гражданин данной страны, а как сын своего этноса — и оказать ему в сыновней любви просто невообразимо. Но он не опускает свой голос за фанатика, который завтра воспользуется его кроткой — или не кроткой любовью, и превратит привязанность к своему в ненависть к чужому.

Главные действующие лица на мировой арене и мировые организации начиная с ООН в будущем будут в XXI веке стоять перед необходимостью выработки отношения к центробежным силам современного мира. И если сейчас не будут найдены базовые правила, то термоядерной реакции этнического распада нет предела. Согласно мнению Х. Ханума, «важно отвергнуть утверждения, что каждый этнически или культурно отличный от других народ, нация или этническая группа имеет автоматическое право на свое собственное государство или что этнически гомогенные государства желательны

сами по себе. Даже в тех условиях, где гражданские права соблюдаются, глобальная система государств, основанных преимущественно на этническом принципе или на исторических претензиях определена «недостижима» [23]. В любом случае обособление одной национальности будет означать попадание в якобы гомогенное окружение новых этнических меньшинств. История всегда будет делать полный круг — пусть на меньшем, но столь же значимом — витке исторической спирали. Снова определится этническое большинство и сработает прежний стереотип: добиваться прав не за счет равенства, а за счет сецессии.

Наивными теперь видятся все те, кто десятилетие назад провозглашал «конец истории», кто воспевал общемировую взаимозависимость, глобализацию международного развития, Интернет и CNN, экономическое и информационное единство мира. Оказывается, что преждевременная модернизация сознания отрывает от реальной почвы. А реальность — это то, что, встав на дорогу главенства принципа национального самоопределения, мир делает двадцать первый век временем, когда на карте мира возникнут еще двести государств и процесс их образования (а отнюдь не Интернет) будет смыслом существования нашего поколения и следующего, и еще одного.

Определенная часть американского истеблишмента уже ведет серьезную подготовку к такому повороту мировой истории, к *приятно* «самоопределяющей» фазы как неизбежной. Бывший председатель Национального совета по разведке Центрального разведывательного управления США Г. Фуллер даже не питает сомнения в будущем: «Современный мировой порядок существующих государственных границ, проведенных с минимальным учетом этнических и культурных пожеланий живущего в пределах этих границ населения, ныне в своей основе устарел. Поднимающиеся силы национализма и культурного самоутверждения уже изготовились, чтобы утвердить себя. Государства, неспособные удовлетворить компенсацию прошлых обид и будущих ожиданий, обречены на разрушение. Не современное государство-нация, а определяющая себя сама этническая группа станет основным строительным материалом грядущего международного порядка». В течение века, полагает Фуллер, произойдет утроение числа государств-членов ООН. И остановить этот поток невозможно. *«Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации — с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения, чем мультиэтническое государство, его приход и господство попросту неизбежны»* [24]. Значительная часть американских специалистов призывает «главные державы, включая Соединенные Штаты (склонные искать стабильности в любой форме, поскольку это защищает полезный статус кво) придти к осознанию того факта, что *мировые границы неизбежно будут перекроены»* [25].

Те, кто думает о будущем после сентября 2001 г., не могут не понимать, что смещение мирового восприятия к главенству этноцентризма не пощадит никого. Скажем, преобладающей становится точка зрения, что после неизбежного коллапса коммунистической системы в Китае Пекин не сумеет удержать в рамках единого государства исход жителей Тибета, уйгуров и монголов. Индия — Кашмир.

И это только верхушка айсберга, поскольку практически все современные государственные границы являются искусственными в том смысле, что все они (включая, скажем, кажущиеся после Линкольна прочными, американские — по признанию некоторых самих американцев) — искусственны. И, если не остановить триумфального шествия принципа национального самоопределения, более того, придать ему характер главного демократического завоевания, то можно с легкостью предсказать судьбу тамиллов, майя, палестинцев — и так до конца необъятного списка огромной семьи народов.

Главная жертва происходящего глобального переворота — суверенное государство. Недавно получившие независимость государства обречены распасться уже актом их собственного обращения к принципу главенства национального самоопределения. И сколько бы ни кивали на спасительную глобализацию, в ней неизбежно будут приобретенные и потерявшие, а при господстве идеи самоопределения это только ускорит распад как образ жизни человечества в двадцать первом веке.

Вслед за реализацией принципа самоопределения последует рост безработицы, развал городского хозяйства, забытие экологии, примитивизация жизни, проявится несоответствие нового государственного языка нормам современной технической цивилизации, осуществится крах социальной взаимопомощи. Может быть, самое печальное в том, что процессу нет даже приблизительного конца, дробление государства в случае начала процесса не ограничено. Американский специалист спрашивает: *«Небольшая Грузия получила независимость от Москвы, но сразу же ее северо-западная часть — Абхазия потребовала независимости. Кто может гарантировать, что северная мусульманская Абхазия не потребует независимости от южной христианской Абхазии?»* [26]. А северяне-эскимосы Квебека? Если принцип самоопределения будет взят за основу, не может быть никакого консенсуса по вопросу *«кому давать, а кому не давать»* атрибуты государственности. Американцы сами говорят, что пре-

зидент Буш теперь уже не пошлет войска в Калифорнию, пожелай она государственной обособленности. Линкольн жил во время господства другого принципа в качестве главенствующего.

Помимо прочего, государство ныне очень уязвимо – в условиях наличия столь мощной и софистичной технологии, если решимость воинственного меньшинства превышает «гуманную норму». Если само центральное правительство признало главенство принципа национального самоопределения, то ему весьма трудно найти нового генерала Шермана – тот не пойдет жечь Атланту, поскольку дискредитирован с самого начала и ждет его не триумф с президентским постом в будущем, а скамья Гаагского международного трибунала.

Необратим ли процесс? Мир, посуровевший после 11 сентября 2001 г., должен будет принять трудное, но обязательное решение, вернее, осуществить выбор: территориальная целостность государств в опоре на Организацию Объединенных наций, на солидарность пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, или национальное самоопределение. Пока же международное сообщество, по определению профессора колледжа Армии США С. Бланка, «делает попытки вытеснить на обочину ужасную дилемму выбора между территориальной целостностью государств и национальным самоопределением» [27].

Опыт человеческого общежития вопиет – особенно после трагического сентября – против благодущия в деле, которое повсеместно оказывается кровавым, которое на наших глазах унесло больше жизней, чем вся холодная война. Едва ли не каждое государство на Земле было основано в результате завоевания. Значит ли это, что человечество ничему не научилось, что понятие цивилизация существует для энциклопедий, что кровь прошлых столетий должна звать к новым кровопролитиям? Никто и никогда не сможет определить объем той дани, которую якобы должны заплатить завоеватели за несправедливость прошедших веков. Подлинной «расплатой» является гражданское равенство, а отнюдь не право крушить эмоциональный, интеллектуальный, культурный и экономический мир, созданный потом и кровью строителей, защитников, а не исторических злодеев. *«Если мы будем сражаться с прошлым, – говорил Черчилль, – мы потеряем будущее».*

Пробудившаяся колоссальная тяга к национальному самоопределению начнет в первые десятилетия XXI в. раздирать на части даже самые стойкие исторически сложившиеся государства, даже те из них, которые всегда воспринимались как символы национального единства (такие как Британия и Франция). Волна национального, националистического самоутверждения, поднявшаяся в 1989 г. и создавшая 22 новых государства только в Восточной Европе и на территории прежнего Советского Союза, катится вперед, в будущее, захватывая все новые страны и континенты. Перед глазами пример суверенной республики Югославии, чья судьба была проигнорирована даже в оплоте государственной суверенности, – главной организации независимых государств – Организация Объединенных наций.

Нет сомнения в том, что в наступившем веке суверенность самостоятельных стран подвергнется воздействию революционного самоопределения, хотя в XXI веке нет (и определенно не будет) общего для всех определения нации. Что связывает нацию более всего? Язык? Но у сербов и хорватов он единый. А Индия с ее семнадцатью языками – без единого преобладающего – сохраняет единство. Религия? Протестанты и католики являются лояльными гражданами единой Германии. В то же время общий ислам не предотвратил отход Бангладеш от Пакистана и множество трагедий типа курдской.

Крушению принципа священности границ суверенных стран будет способствовать ослабление значимости Организации Объединенных наций. Оно началось, собственно, уже в начале 1990-х гг., когда Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр зафиксировал «возможно, необратимый поворот в отношении публики (западной. – А.У.) в отношении защиты угнетенных, их новое убеждение в том, что *во имя морали следует границы и легальные документы поставить ниже заботы о терпящих лишения»* [28]. Это был грозный знак в отношении регуляционных возможностей ООН как единственного прототипа всемирного правительства. Ныне, при Генеральном секретаре Кофи Анане – в более жестком мире борьбы с международным терроризмом – ООН как бы готовится к тому, что защита ею суверенных границ стран участников мировой организации менее значима, чем проблемы гуманитарного свойства внутри отдельных стран. Такие деятельные борцы за вмешательство во внутренние дела как франко-итальянский теоретик М. Беттати и французский врач и гуманитарный активист Б. Кушнер даже сформулировали (это они сделали помимо «знатоков своего дела» – американских либеральных империалистов и неоконсерваторов) своего рода доктрину, базирующуюся на *праве интервенции* во внутренние дела стран нарушителей. И Кофи Анан, как бы подыгрывая западным странам, поспешил с заявлением о *необратимом* характере сдвига в сторону вмешательства во внутренние дела суверенных стран. Попустительство такого рода, как видится, ударит по самой Организации Объединенных наций, по ее функции организующего мирового центра.

Ударом по ООН (как регулирующей и предотвращающей хаос организации) является игнорирование Вашингтоном Хартии ООН, исключаяющей вмешательство во внутренние дела других государств без согласия Совета Безопасности ООН. Зависимость финансирования Организации Объединенных Наций от Комитета по выделению финансовых средств американского сената, с каждым годом все выше поднимающего свой «топор» над суммой предлагаемого вклада в ООН, окажется убийственной для эффективности этой крупнейшей международной организации.

Парадоксально то, что в ставшем мишенью террористов мире чем дальше идет продвижение интеграционных, глобализационных процессов, тем успешнее может оказаться реализация замыслов сепаратистов по отделению от основной части государства. Скажем, для Квебека канадский национальный рынок, не говоря уже о законах, культуре, правилах, не является жизненно существенным для выживания провинции Квебек. Западноевропейская интеграция не осложняет, а облегчает борьбу каталонских и баскских сепаратистов. Двадцать лет назад баски имели испанские паспорта и могли работать лишь в Испании. Теперь у них европейские паспорта и они могут работать повсюду в Европейском Союзе. Теперь провозглашение независимости Басконии не ведет к установлению протяженных таможенных линий, введению новой валюты, массовой потере работы, сокращению возможностей путешествий. Вирус сецессионизма поражает отнюдь не только бедные уголки Земли. Напротив, относительно процветающие Западная Канада, Южная Бразилия, Северная Мексика, побережье Эквадора, Северная Италия во все более возрастающей степени порождают сецессионистские движения. Две наиболее агрессивные сецессионистские группы в Испании – каталонцы и басконцы – принадлежат к наиболее процветающим регионам страны.

Долгое время Соединенные Штаты – лидер нынешнего и грядущего мира – были сильнейшим защитником священности государственных границ повсюду в мире. Даже когда они боролись с Багдадом, то не поддержали сепаратистов курдов и шиитов на юге Ирака. Они пока молчат о суверенности Косова. Несмотря на все движение наркотиков, Колумбия является третьим (после Израиля и Египта) получателем американской военной помощи – несмотря на всю борьбу местных сепаратистов. Но подспудно развиваются процессы противоположной направленности даже внутри самих Соединенных Штатов. На Аляске, столь богатой минералами, нефтью и газом, уже в 1990 г. был избран губернатор, базирующийся в местной политике на «неярко, но определенно» выраженной сецессионистской платформе.

Показательно, что теперь некоторые из представителей 550 групп первоначального населения Соединенных Штатов требуют почти суверенных прав на исконно принадлежавшие земли. И нельзя сказать, что их давление беспомощно, что оно не приносит результатов. Признаки такой эволюции уже проявили себя и внутри США и вовне. Скажем, в 1993 г. американский конгресс и президент Клинтон признали в качестве важной исторической даты «столетнюю годовщину незаконного свержения гаитянской монархии... приведшую к подавлению внутренних прав на суверенность исконного гаитянского народа» [29]. То же видно и внутри США. Пятью годами позже губернатор Гавайев призвал гаитянцев и других жителей островов «выдвинуть план достижения Гавайями суверенности». По мере того, как официальный Вашингтон *признает* права меньшинств по всему миру на национальное самоопределение, ему становится все труднее игнорировать требования собственных меньшинств на американской территории.

Оглохший от сентябрьских пожаров на Манхэттене и в Вашингтоне мир помнит, что из официальных 309 границ между государствами мирового сообщества наций 52 (17%) являются *спорными*. Из 425 морских границ мира двадцать первого века 160 (38%) являются предметом спора. 39 стран нашей планеты сейчас, в XXI в. оспаривают 33 острова [30]. Даже крупные современные государства не застрахованы от распада в двадцать первом веке. Есть прогнозы распада множества государств, в том числе самого населенного и самого крупного территориально – Китая и России. В Сингапуре, скажем, видят Китай в конце текущего века состоящим из сотен государств масштаба Сингапура.

Согласно проявившей себя тенденции все чаще национальные рынки становятся менее важными, чем локальные, региональные рынки или глобальная рыночная среда в целом. Руководитель научных прогнозов ЕС Р. Петрелла полагает, что «к середине следующего столетия такие нации-государства как Германия, Италия, Соединенные Штаты, Япония *не будут* более цельными социоэкономическими структурами и конечными политическими конфигурациями. Вместо них такие регионы как графство Орандж в Калифорнии, Осака в Японии; район Лиона во Франции, Рур в Германии уже приобретают и в конечном счете приобретут главенствующий (над нынешним центром) социоэкономический статус» [31].

Национальное самоутверждение, видимо, найдет свою легитимацию в мире, где более ста государств мира имеют этнические меньшинства, превышающие миллион человек. Не менее трети со-

временных суверенных государств будут находиться под жестоким давлением повстанческих движений, диссидентских групп, правительств в изгнании. Современным политологам (таким, как, скажем, американец Фарид Закариа) остается лишь констатировать, что суверенность и невмешательство в начале XXI в. стали «менее священными» международными правами [32]. А консультировавший Б. Клинтона профессор М. Мандельбаум пришел к выводу, что «святость существующих суверенных границ уже не принимается мировым сообществом *полностью*» [33].

Идеологи нового национализма часто готовы заплатить едва ли не любую цену ради реализации своих мечтаний. Тем самым готовится грозный удар по мировой упорядоченности. «В дальнейшем процессы станут неуправляемыми... Тогда следует ожидать воцарения хаоса на протяжении нескольких десятилетий» [34]. Очевидно, что удовлетворение этнических требований, — полагает американский исследователь Т. Герр, — «только воодушевит новые группы и новых политических претендентов выдвинуть подобные же требования в надежде добиться уступок и прийти к власти. Запоздалыми пришельцами в этом деле являются представители Корнуолла в Британии, племя реанг в Индии, монголы в Китае — все они ныне представляют организации, борющиеся за автономию и большую долю общественных ресурсов» [35].

Повергнутыми окажутся базовые положения международного права, так как все так называемые «права» на сецессию *никогда* не признавались международным сообществом как некая норма. (Международное право не признает права на сецессию и даже не идентифицирует — даже в самых осторожных выражениях — условий, при которых такое право могло бы быть отстаиваемо в будущем. К примеру, Северный Кипр в своем новом качестве самопровозглашенного независимого государства существует значительно дольше, чем совместное проживание турецкой и греческой общин, но мировое сообщество так и не признало северокипрского государства, равно как инкорпорации Индонезией Восточного Тимора или претензий Марокко на Западную Сахару). Тем не менее *де факто* эти государства существуют и постепенно могут рассчитывать на признание *де юре*.

На рубеже столетий на Западе возобладала точка зрения, что элементарный гуманизм требует пренебрежения правами суверенных правительств, проводящих жестокую политику; требуется вмешательство Запада на стороне тех, кто терпит гуманитарную катастрофу. Увы, правота такой стратегии далеко не всегда подтверждается непосредственной исторической практикой. Как пишет заместитель издателя «Уорлд полиси джорнел» Д. Рюэфф, «от Сомали до Руанды, от Камбоджи до Гаити, от Конго до Боснии *плохой новостью* является то, что все это вмешательство на стороне гражданских прав и гуманитарных ценностей почти на 100 процентов оказалось безуспешным» [36]. Хаос порождает еще больший хаос. Никто из сторонников вмешательства во внутренние дела не имеет *определенной* идеи, что же делать на следующий день после силового вмешательства.

Насилие над суверенитетом в одном месте, увы, не останавливает, а немедленно порождает продолжение процесса суверенизации на более низком уровне. Оно ставит, как минимум, следующий вопрос: «Если возможно вторжение в Косово, то почему оно невозможно в Сьерра-Леоне?» [37]. Напомним, что Нигерия быстро ответила на этот вопрос быстрым вводом в Сьерра-Леоне своего воинского контингента. Вслед за Нигерией в 2000 г. на подобный путь встала Британия. Что, собственно, никак не решило вопроса предотвращения сецессии и геноцида, не дало стабильных результатов.

На пути отхода от принципа окончательности государственных границ прячутся самые большие опасности для мирной эволюции мирового сообщества. «Возникнет, — пишет американский политолог Дж. Розенау, — *новая форма анархии* ввиду ослабления прежней центральной власти, интенсификации транснациональных отношений, уменьшения значимости межнациональных барьеров и укрепления всего, что гибко минует государственные границы» [38].

Некоторые конфликты стали своего рода гибридами: одновременно и этнические и революционные войны. Левые в Гватемале рекрутировали местных индейцев майя в свое революционное движение, Йонас Савимби построил свое движение на поддержке народа мбунду, Лоран Кабила вел революционную армию в Киншасу, состоящую из тутси, люба и других недовольных народностей восточного Конго. Вера в форме воинствующего ислама, христианства или буддизма может с легкостью мотивировать массовые движения. Китайское движение фалунгонг имеет практическую возможность политизировать свою структуру и политизировать свои требования. Сегодня класс, этническая принадлежность и вера являются тремя главными источниками массовых движений, классовой борьбы и религиозного подъема.

Все громче высказываются мнения о вероятности в будущем «классических» образцов конфликтов. По мнению американца Р. Хааса «легко представить себе схватку Соединенных Штатов и Китая

из-за Тайваня, Соединенных Штатов и России по поводу Украины, Китая и России из-за Монголии или Сибири, Японии и Китая по региональным вопросам. Еще более вероятны конфликты, в которые вовлечены одна из великих держав и средней величины противник» [39].

Ярость ревнителей национального самоутверждения несет в наш мир смертоносный хаос. Украшение мира — его многоликость — становится смертельно опасной. Напомним, что в начале третьего тысячелетия в мире насчитывались 185 независимых стран, но при этом насчитывается более 600 говорящих на одном языке общностей, 5000 этнических групп [40]. Глобализация выступит антиподом националистического самоутверждения. «Для националистов немислимо, что другие страны позволяют субъектам извне вторгаться в сферу их предположительно священной независимости. Но этого требует глобализация бизнеса и финансов... В то время, когда поэты и интеллектуалы отсталых регионов пишут национальные гимны, поэты и интеллектуалы современности воспевают достоинства мира без границ. В результате коллизии, отражающие резко отличающиеся по потребностям нужды двух радикально противоположных цивилизаций могут спровоцировать самое страшное кровопролитие в будущем» [41].

Движение вспять (в 1500 г. в Европе было 500 политических организмов) уже порождает невероятные катаклизмы. На кону суверенитет отдельных стран. Волна национализма несет не плодотворную самоидентификацию, а жесткое столкновение анахронических и эгоистически понимаемых интересов. Воинственное групповое самоутверждение на националистической основе грозит погрузить мир в хаос, невиданный со времен Средневековья. Складывается впечатление, что в результате суверенитет национальных государств в грядущие десятилетия будет *ослаблен* сверху надгосударственными организациями, а снизу *подорван* довольно неожиданно окрепшими в последнее десятилетие двадцатого века националистическое самоутверждение самоорганизующихся этнических групп, сепаратизмом регионов.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Разумеется, играет роль и обычная человеческая косность в отношении революционных прорывов науки. Мощные новые технологии провоцируют отчаянное сопротивление. (Напомним, что, создание двигателей внутреннего сгорания вызвало небывалое сопротивление уязвленных поклонников лошадиной тяги. Мирное использование атомной энергии вызвало к жизни не менее упорное сопротивление). Клонирование и создание систем управления генными процессами порождает небывалый протест. Потребители и сторонники охраны окружающей среды в Европе напрочь отвергли подвергшиеся генетическому воздействию виды растений, исходящие, в основном из США, как опасные для человеческого здоровья и благополучия окружающей среды.

Критики вторжения в тайную мастерскую живой природы требуют жесткого обозначения тех товаров и продуктов, которые подверглись указанному воздействию. В 1999 г. 72% всей земли, засаженной семенами подвергшихся генетической обработке растений находятся в США, 17% в Аргентине и 10% в Канаде. На девять других стран чьи ученые так или иначе имели дело с современной генной инженерией — Китай, Австралия, Южная Африка, Мексика, Испания, Франция, Португалия, Румыния, Украина — приходится только один процент. Лишь несколько ферм во Франции, Испании и Португалии сеют генетически обработанные семена [42]. «Гринпис» использует термин «дьявольские химикаты». В Британии принц Чарльз и певец Пол Маккартни выразили возмущение насилием над природой. Во Франции коалиция фермеров, профсоюзов, защитников окружающей среды и левых сил борется не только с ГМ (генетически измененными) продуктами, но и с сетью «Макдоналдса», «Кока-Колой» и другими «потенциально опасными» учреждениями. В результате отступления теоретических социальных мечтаний и восстания «зеленых» с их критикой некритического приложения науки произошел кризис модернизма, что имеет — и будет иметь невероятные по важности последствия.

Хаосу будет содействовать религиозный фундаментализм, национализм и расизм, подрыв авторитета международных организаций, приоритет местного самоуправления над общегосударственным (ведущий к распаду стран), религиозное самоутверждение, этническая нетерпимость, распространение оружия массового поражения и обычных вооружений, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств, экономическое неравенство, неуправляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Городские банды и криминальные структуры могут заместить сугубо национально-государственные структуры. При этом информационные и коммуникационные технологии будут им служить эффективнее, чем государству.

Даже мощные военные блоки слабеют в битве с энтропией этноутверждений в свете растущей цены сдерживания сепаратизма разного рода. Тем самым уменьшая препятствия на пути этнически мотивированного хаоса. Хотя руководство ведущих стран НАТО периодически выражает готовность вмешаться во внутренние дела отдельных стран, оно в то же время показывает крайнюю степень неготовности нести людские потери. Но главное — военное вмешательство на стороне инсургентов *заставляет* создавать для них (и часто за них) собственное государство, что уже само по себе насилие над историей, меньшинствами, естественным ходом гражданского устройства.

ХАОС

Хаосу содействует распространение в мире автоматического стрелкового оружия, ручных ракетных комплексов типа «Стингер» и САМ-7, невиданных объемов взрывчатых веществ, более ста миллионов наземных мин. На горизонте появляются новые ускорители хаоса — опасности связанные с кибернетической войной. Важнейшие системы электронного управления подвергаются атакам хакеров, которые могут действовать по своей воле, а могут и пользоваться поддержкой своих государственных структур. Кибер-нападениям могут подвергнуться контрольные системы современного индустриального общества, его жизненные центры — электростанции, системы воздушного транспорта, финансовые институты и вплоть до всего, что связано с биологическим и ядерным оружием. Напомним, что уже во время натовской операции против Югославии структуры НАТО и Пентагон подверглись нападению югославских и китайских хакеров. И чем больше зависимость индустриальных государств от компьютера, тем больше шанс дестабилизации именно в этом направлении. Как определяет эту опасность представитель вашингтонского Института мировой политики И. Катберсон, «кибернетическая война в будущем может оказаться атомной бомбой бедных» [43].

Еще более опасно распространение средств массового поражения — химического, биологического, ядерного. Еще 21 января 1999 г. президент Клинтон указал на «огромную вероятность» того, что группа террористов в ближайшие годы может угрожать Соединенным Штатам биологическим или химическим оружием. Об угрозе биологического оружия он сказал, что она «заставляет его вскакивать ночью». Несколько позднее он объявил, что запросит у конгресса 2,8 млрд. долл. для будущей борьбы с биологическим, химическим и электронным терроризмом [44]. Вершина всепокрушающего хаоса — ядерный терроризм. В недавних публикациях американских разведывательных организаций указывается, что по меньшей мере 20 стран, половина которых находится на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива и в Южной Азии, уже имеют (или имеют возможность создать) оружие массового поражения и средства ракетной доставки этого оружия [45]. Попадание его в руки террористических групп, «государств-париев», сепаратистских движений чревато дестабилизацией международного сообщества до состояния необратимого хаоса.

Существующие институты в XXI в. могут не выдержать революционных перемен, создавая предпосылки глобального хаоса. Реализация их права на самоопределение грозит поставить мир на порог грандиозного катаклизма, о котором весьма авторитетные специалисты уже сейчас говорят, что его не избежать: «В двадцатом веке спокойствие в международных отношениях зависело от мирного сосуществования суверенных государств, каждое из которых по своему оправдывало свою легитимность. В двадцать первом веке речь пойдет о мирном сосуществовании между нациями *внутри* одного и того же государства, которые обосновывают *различные принципы* определения суверенитета. В некоторых местах — Босния или Косово — это может оказаться невозможным... Главной практической проблемой двадцать первого века будет обеспечение мирного сосуществования этих частей» [46].

На государства воздействует донациональный трайбализм, часто рядящийся в национальные движения. Американский исследователь М. Каплан предсказывает мир, состоящим из множества сомали, руанд, либерий и босний, мир, в котором правительства часто отданы на милость картелям наркоторговцев, криминальным организациям, террористическим кланам. Мир XXI в. Каплан представляет «большой Африкой» [47]. От академических ученых чувство опасности передается политикам. В свое время госсекретарь США У. Кристофер предупредил комитет по международным отношениям американского сената: «Если мы не найдем способа заставить различные этнические группы жить в одной стране... то вместо нынешних сотни с лишним государств мы будем иметь 5000 стран» [48].

Итак, ослабление роли и потенциала государства приведет в новом веке к этническим конфликтам нового качества и размаха. Прежние крупномасштабные войны того типа, что велись многочисленными и заранее экипированными армиями, которые могли создавать лишь мощные государства, уходят с исторического поля действия. Ныне ведение таких войн менее реально, чем когда бы то

ни было за последние два столетия [49]. Но мало признаков того, что мощные государства-члены проявят хоть какое-то намерение изменить иерархическую структуру, на которой традиционно базируется международный порядок, даже если эта иерархия не сможет послужить разрешению все более сложным вызовам порядку в «глобализирующемся мире» [50]. Все более очевидным становится факт перехода войны в ее партизанскую форму, в форму жестокого тлеющего конфликта, где восставшая сторона успешно уходит от генерального сражения.

ПОВСЕМЕСТНЫ ЛИ ШАНСЫ ДЕМОКРАТИИ?

Даже западные исследователи ныне делятся на тех, кто верит в возможность вытянуть сельский мусульманский мир из двенадцатого века в двадцать первый, и на тех, кого практика убедила, что это абсолютно невозможно. *Первые* — это столь влиятельные при Дж. Буше-мл. «неоконсерваторы». *Вторые* не разделяет их веры во всемирную приложимость правления демоса и скептически относятся к безудержным оптимистам типа министра обороны США Рамсфельда, которые считают любую проблему сводимой к простому набору действий. Они отказываются считать, что все решают «большие батальоны» и время. Впереди даже не *пат*, а поражение Америки, неспособной пока понять стратегию и тактику своего противника. Идет битва самой могучей державы современности с самой отсталой мировой сельскохозяйственной провинцией, на стороне которой лишь убедительно требующая жертвенности религия и волны обиженного историей населения.

Опыт Афганистана и Ирака говорит о том, что вооруженные силы США «не коснулись сердцевины мощи противника... Мы все еще смотрим на войну глазами генерала Маклелланда (сторонника стратегии решающей битвы в гражданской войне 1861-1865 гг. — А.У.), а не Линкольна (сторонника более осторожной и *основательной* стратегии), мы не признаем ни размеров, ни природы угрозы, представляемой бен Ладеном, ни того что мы еще даже не приступили к ведению того типа войны, который необходим для разгрома наших врагов... «Аль-Каида» не побеждена... Постоянный рост антиамериканского влияния Осамы бен Ладена в широком суннитском экстремистском движении, и широкое распространение деструктивных навыков «аль-Каиды» свидетельствует о серьезной угрозе для нас в обозримом будущем». Поддержка Америкой Израиля, России, Китая, Индии, Алжира, Узбекистана и других стран, воюющих с радикальным исламом, поддержка Америкой тираний в мусульманских странах, попытки контролировать арабскую нефть, боевые действия в Афганистане, Ираке, на Аравийском полуострове способны создать стратегическую уязвимость Запада.

«Способ, каким мы видим и интерпретируем людей и события за пределами Северной Америки, густо окрашен нашим высокомерием и самососредоточенностью, доходящими до некоего имперского наваждения» [51]. Если Запад не будет учитывать различие в цивилизационном восприятии, противостояние мусульманского и западного миров может длиться неограниченное время. Следует признать факт, что американцев ненавидят, никаких иллюзий на этот счет. Америка находится в состоянии войны с исламом — и это серьезная война, а не результат невротики нескольких фанатиков. И теперь, когда американцы противостоят воинствующему исламу, «они должны понять, что решение этого противоречия не может быть безболезненным; и не следует ожидать быстрой трансформации мусульманского мира в демократическую систему западного типа» [52].

Классический пример разрешения проблем американским способом описан британским министром иностранных дел Э. Греем в начале прошлого века. В 1913 г. Грей беседует с американским послом У. Пейджем о перевороте в Мексике и спрашивает, что будет после американского вмешательства. Незамедлительно последовал ответ: «Заставим их устроить выборы и жить согласно выработанным решениям». — «А если они не согласятся?» — «Снова вмешаемся и заставим голосовать». — «И будете делать это на протяжении 200 лет?», — спрашивает Грей? — «Да», — отвечает посол. — «Мы будем стрелять в этих людей до тех пор, пока они не научатся голосовать и управлять собой сами» [53]. Так американцы и сделали тогда в Мексике. Предпредпоследний раз они обратились к этой тактике в Косово, в предпоследний раз — в Афганистане. А сейчас — в Ираке.

ПОДЛИННАЯ СТОИМОСТЬ ДЕМОКРАТИИ

Мир должен перенять американскую систему...
Сама американская система может выжить в Америке,
лишь став системой всего мира.

Президент Г. Трумэн 6 марта 1947 г. в колледже Бейлор (штат Техас).

Говоря о стоимости победы демократии в Москве в 1991 г. идеолог современных американских неоконсерваторов Майкл Ледин (Американский предпринимательский институт) восклицает: «Мы

смогли сокрушить Советский Союз воодушевляя и поддерживая весьма малый процент его населения...». А начало было положено в Югославии, где в 1988 г. американская организация «Фридом хауз», которую ныне возглавляет бывший глава Центрального разведывательного управления Джеймс Вулси, создала хорошо оплачиваемое сербское движение «Отпор», руководившуюся стратегией начать ненасильственную революцию на следующий день после фальсифицированных выборов. Режим Милошевича рухнул через несколько лет.

Восстание в Грузии весной 2003 г. было во многом оплачено Джорджем Соросом. При этом стажеры из Тбилиси весьма долго учились в Белграде, осваивая опыт «сербского октября». В то же время активисты «Отпора» многократно ездили в Грузию, проводя летние семинары и обучая сотни грузинских студентов сочинению лозунгов, изготовлению видеозаписей, технике длительных выступлений протеста. Особой популярностью пользовался инспирированный идеями американского теоретика Юджина Шарпа «Как свергнуть диктатора». В ноябре 2003 г. пришла пора практических занятий и к власти пришел Михаил Саакашвили.

Чуть более года понадобилось для подготовки свержения режима на Украине. В ходе подготовки президент Национального Демократического института Мэдлин Олбрайт выступила перед 280 негосударственными политическими организациями. Американское правительство выделило 65 млн. долл. для подготовки протестных сил. Снова сыграли свою роль сербские студенты из «Отпора», консультировавшие украинскую молодежь. С их помощью была создана аналогичная украинская организация «Пора», сумевшая к декабрю 2004 г. парализовать Киев. На «Майдане Незалежности» были поставлены тысячи палаток. Во время посещения Братиславы в феврале 2005 г. президент Буш-мл. приветствовал несколько десятков студентов, активно участвовавших в тбилисской и киевской революциях; он назвал студентов «чемпионами свободы».

Через три месяца в Киргизии американский посол Стивен Юнг заявил: «Мы гордимся тем, что поддерживаем революцию». Эта поддержка здесь длилась более пяти лет. Соединенные Штаты не жалели средств ради увеличения влияния в стране, занимающей столь выгодное стратегическое положение — рядом с Китаем, в 200 км от Афганистана, вблизи от богатого нефтью Казахстана. Как пишет бывший французский атташе в этом регионе Рене Канья, «предлагая учебные стажировки для киргизских военных в США, американцы разложили киргизскую армию изнутри ее и помешали военным остановить революцию». Американцы прежде всего полагались на сеть неправительственных организаций, численность которых превысила 7000 — они покрыли всю территорию Киргизии. Эти организации обосновались даже в малых деревнях финансируемые американскими фондами. В Киргизии обосновались представители Национального демократического института, возглавляемого бывшим госсекретарем Мэдлин Олбрайт, организации «Фридем Хауз», руководимым бывшим главой ЦРУ Джеймсом Вулси, Институтом «Открытое общество» Джорджа Сороса. Именно эти организации прежде всего создали активистов прозападного демократического движения.

В сообщении, посланном в Вашингтон посол Юнг с гордостью признал, что на протяжении 2004 г. оказал оппозиции финансовую помощь в размере 30 млн. долл. Помощь была существенно увеличена в соответствии с инструкциями государственного департамента США. Такие деятели киргизской революции, как Роза Отумбаева, провели близ Саакашвили более двух лет. Американское правительство финансировало через «Фридем хауз» типографию, где печатались 50 оппозиционных журналов. Этой типографией руководил бывший журналист из Иллинойса Майк Стоун. Когда киргизское правительство за пять дней до выборов отключило типографию от электричества, американское посольство сразу же предоставило свои генераторы. Национальный демократический институт финансировал работу 170 киргизских неправительственных организаций, выделив для эти целей 83 тысячи евро в год.

Но на этот раз не все получилось так, как того хотели американские стратеги и «продавцы демократии». Новый режим не проявил ожидаемой лояльности в отношении Соединенных Штатов. Новое правительство не пожелало выступить с декларациями о «выходе из зоны влияния Москвы». И американцы продолжают следить за страной, чья граница с Китаем проходит всего в 150 км от крупного китайского города Кашгар, центра уйгурских сепаратистских движений. В Киргизии проживают 10 тысяч китайцев.

Следующей целью обозначена Белоруссия. Американцы не очень хотят трогать режимы подобные узбекскому, где у них уже есть две военные базы, а также Азербайджан и Казахстан, столь богатые нефтью.

Фрагмент из книги: Уткин А.И. Поле грядущей битвы. — М.: Алгоритм, 2005.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy («American Political Science Review», March 1959, p. 53).
2. Fukuyama F. «Stateness "First"» («Journal of Democracy», January 2005, p. 85).
3. Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 11).
4. Reinecke W. Global Public Policy («Foreign Affairs», Nov./Dec. 1997, p. 137).
5. «Foreign Policy», Fall 1999, p. 46.
6. Held D. e.a. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 53.
7. Zacher M. International organizations (In: Krieger J. – ed. The Oxford Companion to Politics of the World. Oxford: Oxford University Press, 1993).
8. Kenichi Omae. The End of the Nation State. New York: Free Press, 1995.
9. Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 12).
10. Castells M. The End of Millennium. Oxford: Blackwell, 1998.
11. Kennedy P. The Next American Century? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
12. Strange S. The Retreat of the State. Cambridge, 1996, p. 199.
13. Moynihan D. P. Pandemonium: Ethnicity in International Politics. New York: Oxford University Press, 1993, p. 83.
14. Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 51).
15. Enriques J. Too Many Flags? «Foreign Policy», Fall 1999, p. 31).
16. Buchheit L. Secession: The Legitimacy of Self-Determination. New Hawen, 1978, p.222
17. Hannum H. The Specter of Secession. Responding to Claims for Ethnic Self-Determination («Foreign Affairs», March-April 1998, p.13)
18. Popper K. The Open Society and Its Enemies. Vol.2.Princeton, 1963, p.49
19. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986, p.219
20. Hodge C. Op. cit., p.13
21. «World Policy Journal», Spring 1997, p.16
22. Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p.61)
23. Ibid.,p.16
24. «World Policy Journal», Summer 1998, p. 30
25. Ibid., p.19
26. Fuller G. Op. cit., p.17
27. Blank S. Drift and Mastery. («European Security», Autumn 1997, p. 3).
28. «World Policy Journal», Summer 1999, p. 1.
29. «Foreign Policy», Fall 1999, p. 42.
30. «Foreign Policy», Fall 1999, p. 44.
31. Ibid., p. 243-244.
32. Zakaria F. The challenges of American hegemony. («International Journal», Winter 1998-9, p. 24).
33. Mandelbaum M. The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 19).
34. См.: Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, N 1, p.116).
35. Gurr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 63).
36. Rieff D. A New Age of Liberal Imperialism? («World Policy Journal», Summer 1999, p. 3).
37. Rieff D. A New Age of Liberal Imperialism? («World Policy Journal», Summer 1999, p. 8).
38. Rosenau J. Along the Domestic-Foreign Frontier:Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997, p. 151-152.
39. Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 41.
40. Kymlicka W. (ed). Introduction to: The Rights of Minority Cultures. New York: Oxford Press, 1995, p. 5.
41. Toffler A. and H. War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 23.
42. Paarlberg R. The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 26).
43. Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 79).
44. Miller J. and Broad W. Clinton Sees Threat of Germ Terrorism («International Herald Tribune», Jan. 23-24, 1999, p. 1).

45. The Weapons Proliferation Threat. Washington: Central Intelligence Agency, March 1995.
46. Mandelbaum M. The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 22).
47. Kaplan R. The Coming Anarchy («Atlantic», February 1994, p. 44-76; Kaplan M. The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the Twenty-First Century. New York: Random House, 1996.
48. Toffler A. and H. War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 242.
49. Mandelbaum M. Is Major War Obsolete? («Survival», Fall 1998).
50. Woods N. Order, Globalization and Inequality in World Politics (In: Held D. and McGrew A. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 396).
51. *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 165.
52. *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 205.
53. Ferguson N. Clashing Civilizations or Mad Mullahs: The United States Between Informal and Formal Empire (in: Talbott S. and Chanda N. (eds). The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p.121).

ИМПЕРИЯ ПОБЕДИЛА РЕСПУБЛИКУ

МИР УТРАТИЛ БАЛАНС

В сложившихся условиях, Вашингтон после 1989 г. уже не мог кивать на «противника у ворот»; Советский Союз самоустранился. Критически важным стало поведение главного пользователя мировых богатств – Соединенных Штатов. Именно в эти годы единственная сверхдержава могла создать систему, близкую к подлинно законопослушной на основе массовой помощи бедному Югу, разумному природопользованию со стороны страны, на которую приходится потребление 40 процентов земных ресурсов. При этом страна не породила новых Вудро Вильсонов и Франклинов Рузвельтов – никаких глобальных схем спасения – возобладал заземленный священный эгоизм.

Вслед за окончанием «холодной войны» Соединенные Штаты постарались, во-первых, взять на себя мировые полицейские функции и, во-вторых, посредством *глобализации* закрепить свое мировое главенство, максимально удовлетворяя свои интересы, отчетливо определяя свои цели, создавая условия для безболезненного отхода после их достижения, решая силовые задачи ограниченным контингентом американских войск. И при этом стараясь минимизировать свои жертвы, максимально благоприятно освещая происходящее на телевизионных экранах. Классическим примером может служить вторжение в Панаму в 1990 г., когда американское правительство жестко обозначило угрозу своим национальным интересам (наркотики губят американскую молодежь) и свергло правящего Панамой генерала Мануэля Нориегу. Примененные силы были ограниченным: несколько убитых и хорошая картинка на американском телевидении.

Более масштабная будущая картина мира была показана в ходе «войны в Заливе» 1991 г. При осуществлении национальной цели – обеспечения постоянного потока нефти из Персидского залива уровень американских потерь оказался необычайно низким, а вид на американских телеканалах был фантастическим. Победа почти без потерь на одной стороне и большие потери на противоположной стороне. Экспедиция 1992 г. в Сомали была предпринята по *гуманитарным* соображениям. Но уже в Сомали, Руанде и на Балканах стало совершенно отчетливо ясно, что таит в себе система гегемонии: исчезновение балансирующей сверхдержавы развязало силы огромной разрушительной мощи. Как с горечью резюмирует английский исследователь Харви, «в последнем десятилетии XX века не хватало воли остановить традиционные проявления человеческой дикости» [1]. Америка была занята своими интересами, и резня типа руандийской в 1994-1995 гг. прошли мимо американцев.

Начало второго тысячелетия явилось временем господства в самой могущественной стране мира группы неоконсерваторов, посчитавших, что история не простит им, если они «упустят» очевидный для них шанс возглавить мир и дать верное направление его развитию. Соединенные Штаты словно решили показывают всем, что «никакая политика не является для них *табу*» [2].

История, география и экономика дала Вашингтону шанс, который прежде имели лишь Рим и Лондон. Впрочем, Пакс Британника жил экономно. Британская армия была меньше европейских и даже королевский военно-морской флот равнялся всего лишь двум следующим за ним флотам – ныне *все* взятые вместе военно-морские флоты не сравнятся с американским. Наполеоновская Франция и Испания Филиппа Второго имели могущественных врагов и являлись частью многополярной системы. Римская империя распространила свои владения дальше, но параллельно с ней существовала еще одна великая империя – Персидская и огромный Китай. Короче говоря, современную американскую империю *не с чем сравнивать*.

Как формулирует английский политолог А. Ливен, «комбинация экспансии американского геополитического влияния, поддержка военных интервенций и *в высшей степени селективное* продвижение демократических ценностей сделало Соединенные Штаты исключительно грозным противником любого государства, в котором они готовы увидеть противника».

При этом трехнедельный блицкриг весной 2003 г. в Ираке вызвал у мирового лидера подлинную эйфорию; скорость и эффективность силового воздействия породили еще «менее скованное» отно-

шение к применению фантастической военной мощи Америки. Разве военные расходы, составляющие всего 3,5 процента валового национального продукта США, не стоят феноменального имперского влияния?

В 2003 году мир утратил баланс, в чем вторжение американско-британских войск в Ирак – вопреки процедурам ООН и в отсутствие фактического наличия у Хуссейна ОМП – убедило даже самых скептиков. Есть все основания утверждать, что мир в Афганистане и Ираке вступил в схватку, конца которой не видно. Могущественное меньшинство уже не спрашивает санкции мирового сообщества для военных экспедиций. И по понятным причинам. Нет и не может быть собрана в обозримое время никакая коалиция, уравновешивающая колоссальную мощь Соединенных Штатов. Отныне и на десятилетия анализ понятия «Американская империя» будет главным занятием политологов. Самым главным документом начала третьего тысячелетия явилась «доктрина Буша». В ней президент Дж. Буш-мл. указал, что «Соединенные Штаты обрели чрезвычайно благоприятное положение страны несравненной военной мощи, которая создает момент возможности распространения благ свободы по всему миру». *Главный тезис доктрины покоится на том основании, что «нам угрожают не флоты и армии, а генерирующие катастрофы технологии, попадающие в руки озлобленного меньшинства... Стратегическое соперничество ушло в прошлое. Сегодня величайшие державы мира находятся по одну сторону противостояния – объединенные общими угрозами со стороны порождаемого террористами насилия и хаоса... Даже такие слабые государства как Афганистан могут представлять собой большую опасность нашей безопасности точно так же, как и мощные державы». Разъясняющая «Стратегия национальной безопасности» ставит все точки над *i*: «Учитывая цели государств-изгоев и невозможность сдерживать традиционными методами потенциального агрессора, мы не можем позволить нашим противникам нанести удар первыми»*

«Доктрина Буша» покоится на том основании, что *наступающая, атакующая сторона* имеет несомненное превосходство. Подходя шире: перехват инициативы позволяет атакующей стороне навязать свою волю и свой способ действий потенциальному агрессору. Словами ключевого документа – «Стратегия национальной безопасности», «наилучшей формой обороны является хорошее наступление».

В конкретной практике главной целью антитеррористической борьбы стал Ирак, руководство которого стало изображаться как *ничем не сдерживаемое*, как находящееся на финальной стадии овладения ядерным оружием, как готовое поделиться этим оружием с террористами всех мастей. Война с диктатором Саддамом Хусейном завершилась (в отличие от мира) быстро, как это было в Афганистане. Ирак станет примерной демократией, весь арабский мир будет в конечном счете благодарить Соединенные Штаты. До 2003 г. Соединенные Штаты долгое время были безразличны к характеру ближневосточных режимов, но достаточно неожиданно Америка поверила в то, что «демократия может быть экспортным товаром» – иначе в чем смысл завоевания Афганистана и Ирака?

Оформившаяся доктрина «превентивной агрессии», помимо прочего, страшна тем, что превращает *потенциального* противника в неотвратимо реального. При этом государства – *потенциальные* члены антиамериканского союза невольно подталкиваются к формированию такого союза. И делают это быстрее и эффективнее из-за страха встретить американский удар в одиночку. Мир сделал на наших глазах огромный поворот. Цену этого поворота определит только будущее.

Но уже сейчас можно видеть противодействие этому повороту в самых разных частях мира, в том числе и среди самых преданных прежде американских союзников. Переизбрание Буша, пишет брюссельская «Ле Суар», было «встречено в Западной Европе с яростью... ибо в Америке произошла своего рода анестезия в отношении презренной смеси интересов экономико-финансовых групп, слепого милитаризма, религиозного фундаментализма и неоконсервативной пропаганды» [3].

ИМПЕРИЯ ИЛИ НЕ ИМПЕРИЯ?

Империя – это форма правления, когда главенствующая страна определяет *внешнюю* и, частично, *внутреннюю* политику всех других стран. Республиканской администрации Дж. Буша-мл. не хотелось сразу расставлять акценты и однозначно называть свою политику *имперской*. Невозможно говорить об империи в классическом виде – эмфатически утверждает советница президента Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс. «У Соединенных Штатов нет территориальных амбиций и нет желания контролировать другие народы». Подобным же образом и президент Буш открещивается от предлагаемого лозунга: «У нас нет территориальных амбиций, мы не стремимся создавать империю».

Примечательный уход от определения *империи* – никак не разделяется теми, кто не считает зазорным называть явления своими именами, кто энергично и открыто обеспечивает идейную подоплеку односторонней политики. Для таких идеологов как Чарльз Краутхаммер, для издателя неокон-

сервативной «Уикли стандарт» Уильяма Кристола, для популярного ныне аналитика Роберта Кэгена и заместителя министра обороны Пола Вулфовица — в имперских орлах, в имперском влиянии, в самом слове *империя* нет ничего, что заставляло бы опускать глаза. Как написал редактор популярной «Стандарт Уикли» Уильям Кристол, «если кто-то желает сказать, что мы имперская держава, ну что ж, очень хорошо, мы *имперская* держава». Среди тех, кто все более свободно оперирует этим термином, есть и умудренные историки — к примеру, Джон Льюис Геддис: «Мы (США) — определенно *империя*, более чем империя, и у нас сейчас есть мировая роль».

В послесентябрьской Америке понятие «имперское мышление» сменило негативно-осуждающий знак на позитивно-конструктивный. И ныне даже такие умеренные и солидные издания как «Уолл-Стрит Джорнэл» и «Нью-Йорк Таймс» впервые за сто лет заговорили об *империи*, *имперском мышлении*, *имперском бремени* не с привычным либеральным осуждением, а как с реальным фактом исторического бытия. Изменение правил политической корректности ощутили на себе редактора бесчисленных газет и журналов повсюду между двумя океанскими побережьями. Ведущие американские политологи триумфально возвестили, что «Соединенные Штаты вступили в XXI век величайшей благотворно воздействующей на глобальную систему силой, как страна несравненной мощи и процветания, как опора безопасности. Именно она будет руководить эволюцией мировой системы в эпоху огромных перемен».

Теоретики могут выступать *за* или *против* империи, но все они уже свободно пользуются этим термином — от политического правого фланга до левого, от Майкла Игнатьева и Пола Кеннеди до Макса Бута и Тома Доннели. Именно это и наиболее примечательно; все участники дебатов *знают* о чем идет речь. И речь идет не о традиционных темах распространения влияния по всему миру. Речь совершенно определенно идет о *принуждающей* внешней политике, об использовании вооруженных сил США на глобальных просторах, на всех материках и на всех океанах.

Даже самые хладнокровные среди американских идеологов приходят к выводу, что «Соединенные Штаты занимают позицию превосходства — первые среди *неравных* — практически во всех сферах, включая военную, экономическую и дипломатическую. Ни одна страна не может сравниться с США во всех сферах могущества, и лишь некоторые страны могут конкурировать хотя бы в одной сфере».

И империя держит марку — держит войска в долине Рейна («чтобы замкнуть Германию в ограничительных структурах и не позволить разрушить существующий политический порядок на европейском континенте»), на Окинаве («против возвращения Японии к практике 1930-х гг.») и в Центральной Азии, контролирует Ближний Восток, умиротворяет Балканы и разрешает конфликты в Карибском бассейне и в Колумбии, в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове. «Ни одна нация, — напомнил *urbi et orbi* президент Дж. Буш-мл., — не может себя чувствовать вне зоны действия подлинных и неизменных американских принципов свободы и справедливости... Эти принципы не обсуждаются, по их поводу не торгуются».

Взлет имперских орлов сделал классическую историю популярной наукой. Обращение к Римской и Британской империям за несколько месяцев стало захватывающим чтением, изучение латинского языка вошло в моду (даже «Гарри Поттер» переведен на латинский язык) и приобрело новый смысл. Буквально повсюду теперь в республиканской Америке можно найти статьи о положительном воздействии на мир *Пакс Романум*, подтекст чего не нужно никому расшифровывать: новая империя пришла в современный мир и мир должен найти в ней признаки и условия прогресса. Парадокс эволюции американской демократии: *Пакс Американа* изживает (по крайней мере, для американцев) свой негативный подтекст.

Посетившие Вашингтон после Сентября иностранцы в один голос указывают на новую ментальность страны, где главное общественное здание — *Капитолий*, где римские ассоциации *сенат* вызывает не только как термин, но и как архитектурное строение, где по одной оси расположены *пантеон* Линкольна, *obelisk* Вашингтона и *ротонда* Джефферсона. Менталитет «римских легионов» проник даже в Североатлантический Союз (жалуются англичане) ради жестких односторонних, *имперских* действий. Вольно или невольно готовилась Америка к этому звездному часу своей исторической судьбы. Посмотрите на архитектуру основных зданий Вашингтона, обратите внимание на название государственных учреждений: сенат, Верховный Суд; не упустите факта колоссальных прерогатив *принцепса*, именуемого в данном случае президентом. Не упустите того факта, что согласно американской конституции внутреннее законодательство и конгресс стоят выше международного законодательства и международных институтов.

Создается «неоимперское» видение, оставляющее за Соединенными Штатами право определять в глобальном масштабе стандарт поведения, возникающие угрозы, необходимость использования си-

лы и способ достижения справедливости. В такой проекции суверенность становится абсолютной для Америки, по мере того, как она все более обуславливается для стран, которые бросают вызов стандартам внутреннего и внешнего поведения Вашингтона. Такое видение мира делает необходимым — по крайней мере, в глазах приверженцев этого видения — видеть новый и апокалиптический характер современных террористических угроз и обеспечить беспрецедентное глобальное доминирование Америки. Эти радикальные стратегические идеи и импульсы, как это ни странно, могут изменить современный мировой порядок так, как того не смогло сделать окончание холодной войны.

«Мыслительные центры» столицы новой империи — Вашингтона с готовностью обсуждают стратегию односторонних действий по всему мировому периметру. Прежде республикански сдержанная «Уолл-Стрит джорнэл» находит благосклонную аудиторию, когда пишет: «Америка не должна бояться свирепых войн ради мира, если они будут вестись в интересах «империи свободы». Все это означает, что Америка действует без оглядки на других. Международные соглашения типа «протокола Киото» являются жертвами представления о неподсудности американцев никому кроме собственных национальных учреждений. Сенат США, в частности, не ратифицировал «Ковенант экономических и социальных прав», «Конвенцию искоренения дискриминации в отношении женщин», «Конвенцию прав детей», участие в «Международном уголовном суде», против «протокола Киото» вместе с президентом Бушем выступили 95 американских сенаторов. Многие проводят линию на наличие в американской истории давней и неистребимой традиции «американской исключительности». Гарвардский профессор Э. Моравчик: Америка, стабильная демократическая, идеологически консервативная и политически централизованная, является *сверхдержавой и может обходить обязательные для всех правила и законы*.

Мировая история подсказывает: США не преминут воспользоваться редчайшей исторической возможностью. В этом случае главной геополитической чертой мировой эволюции станет формирование *однополярной мировой структуры*. Америка прилагает (и будет в обозримом будущем прилагать) огромные усилия по консолидации своего главенствующего положения. С этим выводом согласны наблюдатели за пределами страны-гегемона, да и сами американские прогнозисты: «Соединенные Штаты сознательно встанут на путь империалистической политики, направленной на глобальную гегемонию. Они умножат усилия, выделяя все более растущую долю ресурсов на амбициозные интервенции в мировом масштабе». Свернуть с этой дороги пока не сможет ни один ответственный американский политический деятель, любой президент должен будет опираться на массовое приятие страной своего положения и миссии. Уже сейчас высказывается твердое убеждение, что «еще не одно поколение американцев будет готово идти этой дорогой: тяжело отказываться от всемогущества».

Проконсулы докладывают из провинций о завершении военных операций. Тацит, историк имперского Рима, почувствовал бы себя в своей тарелке.

Но мировое лидерство оказалось сложным делом: обостряются внутренние проблемы, слабеет доллар, огромен бюджетный дефицит, растет зависимость от зарубежных инвесторов, крепнет зависимость от иностранного капитала. Засомневались даже самые самоуверенные. Так известный лидер правых Уильям Бакли в июне 2004 г. сказал: «если бы я знал о возможной ситуации в Ираке, я был бы против войны» [4].

Фрагмент из книги: Уткин А.И. Поле грядущей битвы. — М.: Алгоритм, 2005.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Harvey R. Global Disorder. London: Robinson, 2003, p. 48.
2. Hanson V. Has Iraq Weakened Us? («Commentary», February 2005).
3. Waldron A. Europe's Crisis («Commentary», February 2005).
4. Hanson V. Has Iraq Weakened Us? («Commentary», February 2005).

